

Неприкаянный

Автор:

Хелег Харт

Неприкаянный

Хелег Харт

В мир Нирион нечасто забрасывает иномирцев. А так, чтобы он не понимал ни слова, не умел даже говорить, но при этом умел колдовать – вообще случай уникальный. Конечно, со временем чужак приходит в себя, но не до конца – ни имени у него нет, ни прошлого, ничего. Ни дать, ни взять, жизнь с чистого листа. Можно было бы позавидовать парню, но он-то понимает, что ничего хорошего в этом нет. Тем более что есть у этого человека странности, которые умным людям не дают покоя – потому что рано или поздно они многим аукнутся. И мир, словно зная это, постоянно пытается отторгнуть чужака...

Пролог

Даже если у тебя есть собственное солнце, это вовсе не значит, что своей жизни ты тоже хозяин.

У меня есть солнце. У меня есть целый мир – голубое светило сияет над океаном текучего серебра, что омывает пустынный берег. Ночью на небе нет ни одной звезды, и никаких лун тоже нет. Кромешная темнота. И я её единоличный владелец.

Спорный вопрос – можно ли назвать жизнью существование, в котором тебе подвластно всё. Ещё более спорный – владею ли я миром, который создал, или это мир владеет мной, поскольку дарует мне абсолютную власть. Начнёшь разбираться и запутаешься, придя к извечному вопросу: что было раньше, курица или яйцо?

Правильного ответа, конечно, нет, и быть не может. Я в той же мере всемогущ, как и беспомощен. Раб всего на свете. Король пустоты.

Прежний я умер бы тут со скуки. Когда живёшь в мире, который принадлежит другим, тебе кажется, что у тебя ничего нет. В действительности у тебя есть ты сам, и это самая значимая собственность, которой нынешний я лишён. Но тогда меня, разумеется, беспокоило что угодно, только не это.

Все мы начинаем с того, что ничего не имеем, и тут я не выделился. А вот в остальном...

Первое моё воспоминание не связано с тёплыми материнскими руками, или с чего там у всех обычно начинается отсчёт. Первое, что помню я – ураган. Вой, грохот, вспышки света, хруст, тонкое дребезжание – всё смешивалось в кашу из звуков и образов, на которую я не обращал ну совсем никакого внимания.

Я смотрел на звезду, зажатую меж ладоней. Её свет обволакивал меня мягким коконом, становился всё ярче, но не вредил глазам. Наоборот, я вглядывался в звезду всё пристальнее, и ураган, беснующийся за тонкими стенками моего крохотного мирка, медленно утихал, мерк перед безупречной чистотой луча. Уже в полной, непробиваемой тишине свет ворвался в мои глазницы и в считанные мгновения затопил изнутри.

Может, это было вовсе и не моё воспоминание – в нём наглухо отсутствуют эмоции, словно я смотрел чужими глазами. Но как-то же оно оказалось у меня в голове?

Так или иначе, после этого начинается настоящая память. Сейчас я могу говорить об этом отчуждённо, но вообще-то началось всё с жуткой боли. Всепоглощающей. Будто мне сломали все кости, а потом извлекли их и заменили новыми. Ослеплённый и оглушённый ею, я бежал куда-то, падал, выл и почти ничего не соображал. Кажется, даже рыдал. Вот таким незатейливым способом жизнь с самого начала дала мне понять, что прогулка предстоит не из приятных.

Я очнулся в глухом лесу, совершенно один, одетый в лохмотья, и не помнил ничего, кроме описанного выше. Правда, меня это тогда несколько не смутило – я не соображал ровным счётом ничего.

Намного сильнее смутились те, кто меня нашёл.

Глава I. Незванный гость

– Докладывай, – сказал Дисс, едва вошедший в комнату военный закрыл за собой дверь.

Тот вытянулся по струнке и браво начал:

– Старший разведгруппы...

– В свободной форме, Арджин, – нетерпеливо прервал его Старый Маг.

Он сам себя не узнавал. Давно забытое чувство волнения застало его врасплох; за последние столетия Маг привык к тому, что ничто не ускользает от его внимания, а потому начал думать, что разучился удивляться. Однако настало время сюрпризов, и Диссу не терпелось узнать, приятные они, или же не очень.

Арджин если и заметил странность в поведении начальства, то не подал виду. Он расслабил колено по старой воинской привычке и продолжил:

– Чужак доставлен в замок и поселён в гостевых покоях на первом этаже. Дверь заперли, но мне кажется, эта мера излишняя.

– Вот как? Это почему же?

– Он без сознания.

Дисс поднял бровь и колюче посмотрел на разведчика. Тот поёжился и опустил глаза. Во всём замке только этот взгляд мог заставить бывалого воина почувствовать себя неудобно.

– Ну, что же произошло? – голос Мага снова стал спокойным. – Начни с минуты, когда вы его нашли.

Желая потянуть время, Арджин оглядел полупустую комнату Старого Мага. Несмотря на то, что Дисс ни разу не поступил со своими подданными несправедливо, разведчик не любил оставаться с ним наедине. Воин, как и прочие жители Квисленда, побаивался Мага – и правильно делал.

Арджин замялся на несколько мгновений и продолжил, тщательно подбирая слова:

– Нашли его около полудня, примерно в лиге к западу от моста через Тяну. В Фолиат совсем немного углубились. Он лежал на дне оврага и спал. Лес там был очень странный. Парни сказали, что ни одного зверька или птицы в округе не слышали. Как будто разогнал кто. Рядом с тем же оврагом всё истоптали каматы, в кустах неподалёку лежаладохлая химера. Не целая, по кусочкам...

– Следы магии?

– А то как же. Ровное выжженное кольцо на земле. Но трава там сухая-пресухая, а пал не пошёл. Просто чёрный круг.

– Ладно, дальше. Как он себя повёл, когда его привели в чувство?

– А мы не приводили, он сам... привёлся.хлопот не доставил. Сначала испугался, не подпускал к себе, как дикий зверь. Но я на него прикрикнул, и дальше легче пошло. Мне показалось, он не особо соображает, что к чему. Вряд ли он понимал, что ему говорили. Взгляд у него был точь-в-точь как у нашего конюха, когда он в дугу надерётся, то есть пустой-препустой...

Старый Маг внимательно слушал, барабня пальцами по подлокотнику.

– Он мне уже тогда странным показался. Ну, я решил у него аккуратно поразузнать, кто такой да откуда взялся.

– И что он?

– Да ничего, – Арджин пожал плечами. – С тем же успехом можно дерево расспросить. Говорю же – взгляд такой, что...

– Как у конюха, я помню, – перебил Дисс. – Так что потом было? Почему столько раненых?

Разведчик насупился.

– Отродья на нас напали. Гоблины, – Арджин стиснул кулаки. – У моста подкараулили, скоты. Ватага крупная была, больше ста голов. С обеих сторон по нам ударили – мы еле успели оружие выхватить. Я приказал прорываться, но сходу проскочить не удалось. Завязли в стычке, в окружении. Четверых моих парней ранили. Одного мы так и не смогли до замка донести...

– И как же вы выбрались? – процедил Дисс, давя в себе нетерпение.

– Пленник... помог. Мы прикрывали его спинами, а он дёргался, пытался из пут освободиться. Гоблины ему, видно, тоже не шибко нравились... Ну я и кинул ему меч. Подумал – вдруг чудик умеет с ним обращаться?

– Ну и как? Умеет?

– Хрена с два. Я сам не видел, был занят нападающими, но вот Филин, который к тому времени уже схлопотал ранение, говорит, что заметил, как тот вступил в бой. Первый же выродок обезоружил нашего подопечного, будто тот в жизни меча не держал. Впрочем, я и не удивился – не особо он на воина походит. Здоровый, а толку – чуть...

– Арджин, – Дисс посмотрел на разведчика исподлобья. – Не испытывай моё терпение.

– Понял! – воин тут же подобрался. – Обезоружили его, значит. Помочь ему некому было. Вроде как тут-то ему и каюк должен был прийти, но... Филин говорит, что гoblin уже даже дубину занёс, чтобы черепушку этому парню проломить, да вдруг замер на месте. Потом оружие у него из руки вылетело – и прямиком в кусты. А сам уродец с воплями побежал было прочь, но вдруг схватился за горло и сам себя придушил. Насмерть. Я думаю, Филину от кровопотери всякое могло померещиться, но такое...

– Интересно. Дальше.

– А дальше у него терем-то и покосился, – сказал Арджин, глядя в пустоту. – Вот когда у меня волосы на затылке зашевелились. Я как раз прикончил очередную тварь, как вдруг – хлопок и вспышка. Ребята сказали, что это найдёныш врезал одному отродью. Голыми руками. Гоблин улетел саженой на двадцать и разбился насмерть. От этого зрелища даже бой приостановился. Я крикнул своим, чтобы прорывались – так и выбрались из западни.

– А пленник что?

– Да какой уж там пленник! Пленником он до боя был, а потом уже точно нет. Хорошо ещё, что он на нашей стороне дрался, а то нипочём бы нам с ним не совладать... Оружие его не брало. Гоблинские дубины он хватал на лету и запросто в руке ломал. Отродья от него во все стороны разлетались, как былинки. Сущий демон! Видали вы такое когда-нибудь, господин? Я вам уже несколько лет служу, всякого повидал, но такое? Гоблины как только смекнули, что вблизи его не достать, поотстали, но погоню не бросили. Голодные видно были, как медведь в первый месяц весны... Мы улепётывали со всех ног, безымянный бежал с нами.

Дисс, подперев рукой подбородок, сурово смотрел на разведчика снизу вверх.

– Когда же он потерял сознание?

– Как раз собирался рассказать, – сказал Арджин и передёрнул плечами. – Мы несли раненых, поэтому не могли быстро передвигаться, и твари не отставали. В какой-то миг они снова осмелели и начали догонять. Я подумал – ну, придётся снова отбиваться, не бросать же раненых ребят! Только я собрался скомандовать защитное построение, глядь – а безымянный-то отстал! Стоит на коленях, а прямо на него ватага несётся. И так выходило, что гоблинам-то уже ближе стало до него, чем нам... Думаю – ну, теперь парню точно хана. А тот вдруг ка-а-ак колдонёт! Громыкнуло так, будто Голах небеса разъял. Землю потрянуло, а под отродьями она и вовсе вздыбилась, волной пошла. Большую часть тварей там и переломало. Пылища выше гор поднялась. Остатки гоблинов кинулись врассыпную. А безымянный рухнул без чувств. Мы его под руки и дёру из того места. С тех больше полсуток прошло, а он так и не очухался.

Старый Маг в задумчивости поскрёб небритый подбородок.

– Он ничего не говорил, пока был в трансе?

– Нет, вообще ничего. Я боялся, что помрёт – еле дышал, бедолага. Но сейчас вроде бы просто спит.

– Какие-то вещи при нём были?

– А, совсем забыл сказать. Он весь был в странных лохмотьях. Босой. И возле него нашли вот это, – разведчик извлёк из кармана куртки стеклянную сферу, в глубине которой ворочались мутные массы.

– Положи пока на стол, – сказал Дисс, внимательно разглядывая вещицу. – Принесите ему еды и подберите новую одежду. К комнате приставьте стражника. Как только услышите, что очнулся – сразу ко мне. Первым с ним говорить буду я. Можешь быть свободен.

– Слушаюсь!

Офицер щёлкнул каблуками и вышел, закрыв за собой дверь.

Дисс резким движением поднялся и подошёл к рабочему столу.

– Так, посмотрим, – пробормотал он, сплетая заклинание вокруг лежащего на столешнице артефакта.

Чародей сосредоточенно корпел над сферой несколько минут, вертел её так и сяк, менял плетения и силу их воздействия, но всё, чего он добился – приступ острого разочарования.

– Так и знал! – Дисс ударил кулаком по столу, от чего подпрыгнули все стоявшие на нём приборы. – Пустышка.

Старый Маг устало опустил в кресло и со вздохом закрыл глаза. Какое-то время он не шевелился, погружённый в раздумья, но потом кашлянул и, задумчиво потерев брови, пробормотал:

– Что же за фрукт такой?

* * *

Дисс озадаченно глядел в магическое окно, за которым сидел на постели неизвестный человек. Он недавно проснулся и теперь с аппетитом уплетал то, что ему оставили на подносе рядом с кроватью. Свежую одежду, висящую на спинке стула, он даже не заметил – так и ел голышом, хотя Старый Маг знал, что в той комнате совсем не жарко.

Когда двумя сутками ранее во время обычной нормализации потоков заклинание разлетелось в клочья, а Дисса швырнуло и приложило о стену, он понял, что что-то не так. Не то, чтобы Мага никогда не швыряло во время магических ритуалов, но чтобы так внезапно – ни разу. Он начал искать причину и тут же нашёл её: всё из-за сильного возмущения Эфира, вызванного мощным точечным воздействием. Место этого самого воздействия обнаружилось в гуще Фолиатского леса, аж в дне пути от замка Дисса. Туда словно метеорит упал, только сквозь энергетическое пространство. Осталась внушительная такая дыра в нескольких эфирных слоях.

Прежде чем удивляться, Маг решил разобраться детальнее и накрыл всю ту область следящей магической сетью. Первое, что в неё попало – чистейшая белая аура, оказавшаяся точно по центру аномалии. Сначала Дисс подумал, что в густом лесу оказался младенец, потому что только у него могла быть настолько девственная аура, без единого пятнышка. Потом сеть стала улавливать магические вспышки, и эту версию пришлось отменить. Младенцы так колдовать уж точно бы не смогли.

Тут-то странностей и накопилось достаточно, чтобы Дисс по-настоящему удивился. Чутьё подсказывало ему, что происходит что-то очень интересное, и что он во что бы то ни стало должен во всём этом поучаствовать. Поэтому он вызвал Арджина, вручил ему магический компас, который указывал на странную ауру, и велел привести её обладателя в замок – если получится. Он ожидал увидеть что угодно, хоть Яворова серафима во плоти, но только не такое.

На вид чудаку было лет двадцать пять-тридцать. Сложением он более всего напоминал пловца: широкие плечи, массивная грудная клетка, узкая талия и

чуть более широкие бёдра. Рост выше среднего, но не великан – без пяди сажень. Да и силачом Дисс бы своего неожиданного гостя не назвал. Он был крепкий, узловатый, как дубовая ветвь, но не мускулистый. Гость сутулился; больше всего он смахивал на корабельного гребца, но, во-первых, на вёслах уже лет сто никто кроме озёрных рыбаков не ходил, а во-вторых ни характерных мозолей, ни следов от кнута на безымянном не было.

Дальше – удивительнее. Лицом незнакомец на аристократа не тянул, но и на деревенщину походил мало. Нос прямой, глаза посажены глубоко, высокий лоб, отчётливые скулы, ровный подбородок, переходящий в широкую челюсть – не красавчик, но глазу приятен. Было в его чертах нечто строгое, волевое. Такой комбинации отличительных особенностей среди известных народов Старый Маг припомнить так и не смог, из чего сделал вывод: либо это нераспознаваемая помесь нескольких рас, либо доселе неизвестная Диссу – а значит и всему Нириону – раса.

Этот человек был одной сплошной странностью. Как если взять всё, чего быть не может, и собрать в одном месте. Маг привык думать, что осведомлён лучше всех на свете и по любому вопросу, но на сей раз словно упёрся в глухую стену. Это одновременно бесило и завораживало. Дисс почти не сомневался, что безымянный нагрянул в Нирион из другого мира, но не мог выяснить ничего конкретного. Дыра в Эфире медленно затягивалась. Сфера, найденная при госте, по-прежнему ни на что не реагировала. Никаких магических следов тоже обнаружить не удалось, хотя Маг всё несколько раз тщательно прочесал заклинаниями. Этот парень просто... возник. И этим рушил любые догадки.

Поначалу Дисс собирался поговорить с гостем, но, понаблюдав за ним через магическое окно, передумал. Тот прикончил свой обед и начал ходить от стены к стене. К одежде так и не притронулся, зато завернулся в простыню – замёрз всё-таки. Подошёл к узкому стрельчатому окну, несколько раз дёрнул за решётку. Потом настала очередь стеллажа с книгами: безымянный сначала долго его осматривал, потом попытался на него залезть. Уронил. Всё, что стояло на полках, живописно разлетелось по полу, сам же парень успел на диво ловко отскочить в сторону. Какое-то время он разглядывал бардак, который учинил, а потом уселся сверху, как какой-то царь горы.

– Да ты же невменяем, – сказал Дисс в пустоту, и, подумав, добавил: – А ведь это многое объясняет.

...В тот же день он наведлся в комнату к безымянному в расчёте понаблюдать за его реакциями.

Как только открылась дверь, парень вскочил и, по-прежнему кутаясь в простыню, ретировался в угол. Он дрожал и опасливо, но с интересом разглядывал заполнивших его комнату людей. Пока прислуга наводила порядок, Дисс осторожно приблизился к чудаку и сказал:

– Здравствуй. Я – Дисс.

В глазах безымянного не шевельнулось и тени понимания. Всё как говорил Арджин – полная пустота. Причём парень не то что не понимал язык, он словно даже саму речь не воспринимал как информацию.

Слуги закончили разгребать беспорядок и, косясь на «чудика», удалились. Горничная оставила на столике новую порцию еды, собрала сор и тоже ушла. В комнате остались только Маг и безымянный. Последний полукругом обошёл чародея и остановился возле открытой двери. Он с интересом смотрел в коридор, но пока не решался туда выйти.

«То ли он душевнобольной, – размышлял Дисс, наблюдая за «гостем», – то ли контуженный. В любом случае, не агрессивен, но на опасность реагирует резко. Дар у парня есть, но к магии он обращается инстинктивно, неумышленно. Гремучая смесь на ножках. Если бы был больной, то занервничал бы, оказавшись в незнакомом месте, да и поимке бы сопротивлялся. А вот – ходит, как ни в чём не бывало. Даже зрачки не расширены. Значит, скорее всего, контуженный. Интересно, чем его так приложило...»

Маг звонко свистнул, чтобы привлечь внимание, и «гость» тут же обернулся. Дисс поднял со стула рубаху с завязками, развернул, приложил к себе, будто примеряясь. Потом швырнул её безымянному. Тот поймал. Покрутил так и сяк, заглянул в рукава по очереди, и, наконец, надел. На левую сторону. Маг помотал головой, снял с себя рубаху и вывернул её. Безымянный незамедлительно проделал то же самое и снова надел её. Дисс покивал, взял остальную одежду и, вложив её в руки парня, вышел. Дверь оставил открытой.

«Точно контуженный, – констатировал Старый Маг, по пути напяливая рубаху. – Соображает, но туговато. Движения твёрдые, кое-какие простейшие ухватки

даже проявляются. Физически здоров, как вол, а вот мозги-то ему поотшибло. Ну, ничего, должен быстро восстановиться. Интересный, интересный, интересный экземпляр».

* * *

В Квисленде никогда не было скучно. Главным образом потому, что он принадлежал Диссу – человеку с репутацией самого чудаковатого и самого свободолюбивого чародея на свете. Замок этот, как и близлежащие земли, ему никто не продавал, никто не жаловал. Маг просто пришёл и занял место, причём так давно, что никто из нынешних его подданных не смог бы сказать, когда именно это случилось. Старики рассказывали, что много лет назад, в начале века, в Квисленде был большой ремонт. Тогда рабочие нашли замурованный в стене обломок меча, странный-престранный. Только несколько лет спустя заезжий кузнец, умудрённый годами дока, опознал в проржавевшем обломке оружие западных варваров, которые в незапамятные времена ходили в эти земли набегами. А их со дня Великого Гнева – то есть почти три тысячелетия – никто и не видел.

Замок стоял в глухомани, вдали от трактов, поэтому жизнь в нём текла размеренно, но чтобы скучать – нет, народ не жаловался. С «их магией», как они называли Старого Мага, было не соскучиться. Раз в десятилетие обязательно происходило что-то из ряда вон, о чём очевидцы потом рассказывали до гробовой доски. Например, в 2864 году случился Большой Колодезный Потоп: когда посреди зимы из замкового колодца выстрелил поток воды и, вспенившись, в считанные минуты вынес за ворота всё, что мало весило или было плохо прибито. Лишь чудом никто не утонул; водища хлестала с полчаса и успела залить оба примыкающих к замку поля, пока Маг, наконец, не управился со стихией. Все пострадавшие тогда получили от него такую компенсацию, что бедствие разом превратилось в развесёлую байку, которую по сей день ежегодно припоминали в канун этого события.

Магии в Квисленде давно уже не боялись – привыкли, за столько-то поколений. Дисс, ни на день не прекращая своих магических изысканий, постоянно выкидывал что-нибудь новенькое. То вся зелень в округе вдруг становилась прозрачной, то любимая кобыла Арджина вдруг взмывала ввысь и, дико ржа и

брыкаясь от ужаса, парила на привязи, как воздушный змей. Из западной башни однажды вылетел вихрящийся поток разноцветных искр, разбрызгался по небу и сверкал половину ночи. Приезжие и крестьяне из окрестных земель дичились «колдовства», пугались и старались поскорее убраться восвояси. Местные флегматично разглядывали очередной побочный эффект экспериментов «их магичества» и шли по своим делам. Даже если кто-то из жителей замка страдал от чародейства, они относились к этому философски и хозяина любить не переставали – знали, что он несправедливости не потерпит, даже если сам виноват.

Временами в гостях у Старого Мага объявлялись странные личности, всякие разные. Частенько они на Локуэле даже двух слов связать не могли – чужестранцы, что с них взять. Они приходили и уходили, и редко кто бывал в Квисленде дважды. Чужаков здесь не очень-то жаловали, но терпели – лишь бы гость не лез не в своё дело да не слишком задавался.

С новым постояльцем всё вышло с ног на голову иначе.

В день, когда он появился, Старый Маг всем наказал: пусть ходит, где захочет, но из замка не выпускать. Предупредил, мол, парню досталось, не судите строго. «А кто вздумает его задирать, – добавил он грознее, – того на месяц превращу в корову. В дойную. Не придётся за свежим молоком в деревню посылать!» Как и следовало ожидать, все всё сразу уяснили.

Поначалу приبلуда ходил тихоней, ни с кем не разговаривал и никуда не лез. Сердобольная кухарка его даже жалеть начала, накормила самодельными сладостями. Но уже на следующее утро с кухни пропал злющий кантернский перец, а «сиротинушку» нашли в обнимку с чаном воды, покрасневшего и всего в соплях – рыдал как дитя, даром что головой в потолок упирается. Потом ткачиха пожаловалась: спрятался, окаянный, в куче холстины, да там и заснул. А когда она, ткачиха, ни о чём не подозревая, сидела и спокойно работала, вдруг вскочил, как ужаленный, и баба от страха чуть досрочно к Явору не отправилась. Вечером полил холодный весенний дождь, и безымянный до белого каления довёл служанку, которая мыла пол: слонялся из дома на улицу и обратно, грязными сапогами истоптал всё, что только можно было истоптать.

Слово «дурачок» прилипло к парню моментально, и ещё неделю все замковые никак иначе его не называли. Но строго, как и было велено, не судили. Да и дело ли это, над убогим издеваться? Такого пожалуй разве что.

Однако глупости со стороны гостя быстро сошли на нет. Через несколько дней он вдруг стал собраннее, будто даже серьезнее. Спать возвращался в свою комнату, еду со стола больше не таскал, стал много времени проводить на крыше башни – и днём, и ночью. К концу недели он обратился в тень, которая немо бродила по замку и наблюдала за рутинной его жителей. Особенно чужак любил приходить в западное крыло, когда Арджин тренировал там своих молодцев. Разведчика это слегка нервировало, он даже раз предложил «зрителю» поучаствовать. Тот посмотрел на брошенный к его ногам деревянный меч, встал, развернулся и ушёл.

Простодушное лицо «дурачка» постепенно сменилось задумчивой миной. Он постоянно витал в облаках; мог остановиться хоть в дверном проёме и уставиться в пустоту, целиком уйдя в себя. Зато всё чаще на его лице стали появляться оттенки эмоций: озадаченность, печаль, раздражение – теперь на улыбку безымянный отвечал улыбкой, на ругань – холодным презрением, а при виде чужого несчастья явственно выказывал сочувствие. Никто толком и не заметил, как юродивый превратился в странноватого, но вполне здравомыслящего мужчину.

Была только одна проблема – он не говорил. Ни с кем, ни при каких обстоятельствах. За две декады с момента своего появления безымянный не произнёс ни слова, ни междометия. Когда к нему обращались, он так смотрел, что становилось понятно: он понимает сказанное, но не ответит. Обычно этот взгляд заставлял людей отворачиваться, иногда – огрызаться. Если же человек настаивал на разговоре, парень просто разворачивался и уходил. В других обстоятельствах это восприняли бы как хамство, но тут все помнили: парню ведь досталось. Так что зла не держали. Думали – вдруг он хочет сказать, да не может. Неужто не сказал бы, кабы мог?

Поэтому к концу третьей недели Дисс решил, что дал своему гостю достаточно времени, чтобы прийти в себя и пообвыкнуться. Настало время налаживать контакт.

* * *

Они сидели друг напротив друга. Дисс молча изучал безымянного. Безымянный в долгу не оставался. Он вообще максимально точно скопировал позу Старого Мага, и Дисс не был уверен, что парень сделал это умышленно. Уж скорее он рефлекторно мимикрировал, чтобы чувствовать себя комфортнее.

Комната выглядела чистой. При этом горничная сюда не заходила – безымянный сам поддерживал порядок. Книги на полках он переместил, прочтённые составил слева, непрочтённые – справа. Среди тех, что слева, Дисс разглядел «Сказания о великих», написанные на старом Локуэле, который уже даже знатоками словесности не использовался. На постели лежал том «Истории подгорного племени», целиком на Футарке. Закладка торчала ближе к задней корочке. В замке Футарком худо-бедно владел только сам Старый Маг, а вчерашний дурачок-то его откуда знает?

– Как тебе читиво? – Дисс кивнул на книгу. – Её писали сами гномы. Стиль у них, конечно, дубовый, зато без излишеств.

Безымянный не ответил и даже не пошевелился. Он смотрел в глаза Магу смело, почти с вызовом, и Диссу это нравилось. Даже Арджин, фактически второй человек в замке, себе такого не позволял.

– Ты молчишь потому, что не можешь говорить, или потому что тебе нечего сказать? – спросил чародей вполголоса, будто размышляя вслух. – Ведь если не можешь, мы можем найти иной способ общения.

Снова молчание. Безымянный словно ждал чего-то или надеялся что-то разглядеть в поведении Мага, а разговоры – это вроде как что-то лишнее. Парень просто их игнорировал.

– Значит, можешь, – заключил Дисс и ухмыльнулся. – Тогда я велю больше не приносить тебе еду. Может быть тогда ты соблаговолишь прибегнуть к такому примитивному способу общения, как речь.

– Я смогу попросить еды, – сказал безымянный на чистом Локуэле. – Но это не значит, что я хочу с кем-то разговаривать.

– Оно говорящее! – всплеснул руками Маг. – Ты ведёшь себя некрасиво, приятель. Здесь принято пользоваться словами.

– А на мой взгляд это вы ведёте себя некрасиво, когда лезете ко мне с разговорами, – парировал безымянный. – Мне намного лучше без них.

Дисс склонил голову набок, размышляя. Скосил взгляд на руку собеседника: она вцепилась в подлокотник так, что побелели костяшки пальцев. Лицом безымянный по-прежнему владел, но что-то его сильно напрягало. Старый Маг допускал, что причиной может быть он сам, поэтому и старался вести именно беседу, а не допрос. Однако для беседы взаимного доверия явно не доставало. Так как же быть?

– Ты – мой гость, – сказал он наконец. – Спишь под моей крышей, ешь мою еду. Читаешь мои книги. В этом замке принято спрашивать, если что-то нужно и отвечать, если к тебе обращаются. Это вежливо и целесообразно. Поэтому ты будешь соблюдать здешние правила. А если нет, то выметайся хоть сейчас.

Во взгляде безымянного мелькнула растерянность, даже испуг, и Дисс понял, что угадал с тоном.

«Гость» вовсе не был хамом, как могло показаться. Напротив, он настолько замкнулся в себе, что даже поговорить с кем-то для него стало трудно. Да, морду кирпичом он делать научился – чтобы совсем уж не терять лицо – но на самом деле постоянное нахождение рядом с другими людьми для него само по себе было серьёзным испытанием. Потому и уходил от разговоров в буквальном и переносном смыслах. А сейчас бедолага понял, что деваться некуда, и потому говорил через силу.

Похоже, теперь он лихорадочно соображал, что ответить, потому что контроль над лицом потерял – желваки вздулись, брови сошлись, губы сжались. Того и гляди лопнет от натуги.

«Мда, – подумал Дисс, нахмурившись. – Тот ещё пациент».

– Я пошутил, – сказал он, миролюбиво разведя руками. – Никто тебя не выгонит, по крайней мере пока идёшь мне навстречу. Я хочу разобраться кто ты такой и откуда взялся. А без слов это будет та ещё задачка, сам понимаешь.

Безымянный немного расслабился и хмуро кивнул. Очевидно, оказаться на улице он хотел ещё меньше, чем разговаривать.

– Звать-то тебя как? – Дисс улыбнулся как можно дружелюбнее. – Сомневаюсь, что тебе нравится, когда тебя кличут «дурачком».

– Не нравится, – согласился гость. – Но имени я не помню. Вообще ничего не помню, – добавил он тише.

– А как Арджин тебя подобрал в лесу, помнишь?

– Смутно.

– А раньше?

– Какие-то обрывки.

– А язык гномов откуда знаешь?

Безымянный пожал плечами, мол, понятия не имею.

– Из тебя лишнего слова не выдавишь, – заметил Дисс.

Снова пожатие плечами. Безымянный несколько не беспокоился о том, что повторяется.

Старый Маг встал, подошёл к окну.

– Кажется, я понимаю, что происходит, – сказал он.

Ответом ему была тишина. Как и ожидалось.

– Был на моей памяти случай, – начал чародей, демонстративно разглядывая разбитый за окном сад. – Уникальный в своём роде. В одну юную баронессу вселился злой дух, демон. Девочке было двенадцать лет. Обычный ребёнок – пухловатая, избалованная девчушка в льняном платье. Одним прекрасным

утром она пришла на сельское кладбище и осквернила две свежие могилы. Демон питался остаточными эманациями умерших... Крестьяне её, естественно, поймали. Привели к барону-отцу. Девочка билась и верещала так, что барон сам чуть не согласился её на костёр отправить от греха подальше. К счастью, ему хватило ума послать за церковниками, а по пути посыльному встретился твой покорный слуга. Я выгнал паразита, выяснил откуда взялся демон – сами по себе они крайне редко покидают Эфир. Оказалось, баронесса-бабка баловалась чернокнижием – скорее от скуки и глупости, чем интереса ради. Провела самый примитивный ритуал, которого хватило аккурат чтобы вызвать первого попавшегося демона, да так его и не увидела. Тот мигом нашёл самое приятное с его точки зрения тело и заселился туда... В общем, не суть. Девочку я спас, но она почти двое суток провела в утробе потусторонней сущности. Демон успел здорово её обглодать, если так можно сказать в отношении человеческой души. Такое не лечится. У бедняжки отшибло память о последних двух годах, она стала плохо переносить присутствие даже самых близких людей. За ней и раньше наблюдалось некое косноязычие, а после одержимости стала говорить совсем плохо. Начинала фразу, слышала себя со стороны и замолкала – стыдилась. Её, разумеется, окружили заботой. Мать шила новые платица одно за другим, отец приводил нового лекаря чуть ли не каждую неделю. Наверное, домашние пытались таким образом исправить свой недогляд. Заботы стало столько, что на пятерых хватило бы.

Старый Маг замолчал, сделав вид, что задумался. Он знал: безымянному намного проще говорить, когда на него не смотрят или вообще не обращают внимания. Поэтому Дисс ждал.

– И что было дальше? – спросил чужак, не выдержав.

Чародей мысленно поздравил себя с верной тактикой и ответил:

– Девочка совсем перестала говорить. К четырнадцати годам она уже не покидала свою комнату, а в семнадцать умерла. «От душевной болезни», что значит – умственно истощилась. Её родители допустили две ошибки. Сначала они слишком старались исправить внешние изъяны девочки, а потому совсем забыли про внутренние. Буквально задушили «заботой» и утратили доверие своего чада. А потом, когда поняли, что сделали только хуже, решили доченьке во всём потакать. А ей уже ничего не хотелось. Она действительность-то почти не осознавала. Поэтому и сошла с ума.

Безымянный хмыкнул.

– Нет, со мной не всё так плохо, – сказал он. – Сходить с ума я определённо не собираюсь.

Дисс улыбнулся.

– Но доверия между нами маловато, – он обернулся к собеседнику. – Ты запираешься, потому что ни в чём не уверен. У тебя нет памяти, а потому ты как будто подвешен на ниточках. Я прав?

Парень, казалось, даже удивился.

– В точности, – кивнул он. – Только по этой самой причине твоя правота тебе мало помогает.

– Больше, чем ты думаешь. Способность постоянно оказываться правым – очень привлекательная черта. Её ещё называют мудростью.

– Из того, что ты сам себя называешь мудрым, я заключаю, что скромность тебе чужда.

– В точку! – усмехнулся Дисс, возвращаясь в кресло. – Я не склонен ни преуменьшать, ни преувеличивать свои достоинства.

– А ты...

– Самоуверен? Да, чего греха таить. Но заметь, говорить со мной тебе уже стало легче.

Безымянный пристально посмотрел чародею в глаза и тоже усмехнулся. Он перестал копировать собеседника и сел так, как ему удобно – вытянул ноги и положил их одна на одну, а руки скрестил на груди. Дисс прикинул, сможет ли сесть так же – нет, при его скромном росте это будет выглядеть нелепо. А жаль, беседа складывается лучше, если ты подражаешь собеседнику.

– И как по-твоему, что со мной? – спросил безымянный. – Вряд ли меня кто-то... обглодал.

– Да, тут что-то другое. Но, честно говоря, у меня пока нет прочных версий.

– Даже у такого мудреца, как ты?

Дисс помолчал, глядя в глаза собеседнику. У того на лице не дрогнул ни один мускул. Этот парень умел шутить с серьёзным лицом.

– Случай с одержимой девочкой был, как я уже сказал, уникальным, – сказал Маг неторопливо. – Но похожих я могу припомнить с десятков. А вот с твоим случаем у меня в жизни пересечений нет совсем.

Безымянный чуть скосил челюсть – обдумывал услышанное. Дисс выдержал паузу и продолжил:

– Я не мудрец. Я учёный. Учёный не полагается на знание жизни или философские прозрения. Он либо владеет фактами, достаточными для однозначного вывода, либо не владеет. Так вот на твой счёт, повторяю, прочных версий у меня нет. Во всяком случае, пока, – он подвинулся вперёд. – Так что расскажи, пожалуйста, поподробнее обо всём, что ты помнишь. Тогда я может и найду, за что зацепиться.

Безымянный помолчал. Он вообще не торопился с ответами, к каждому своему слову относился вдумчиво, будто сначала несколько раз взвешивал, а потом говорил. Старый Маг поймал себя на том, что чисто по-человечески этот парень ему импонировал, причём именно мелочами характера, которые нет-нет да проскальзывали наружу.

– Помню яркую вспышку, – сказал гость. – Падение. Вроде бы, я обо что-то ударился, о камень, наверное. Но точно знаю, что больно мне было не поэтому. Всё тело болело, как будто... будто ломалось на тысячу маленьких кусочков. Кажется, я брёл куда-то, несколько раз терял сознание. Там всё так смутно было, я даже очерёдность событий не вспомню. А потом я проснулся в лесу.

– Ночью?

– Да. Темнота была, хоть глаз выколи. Я шёл почти наощупь, не зная куда. Вдобавок холод меня прижал так, что зубы стучали на всю округу. А потом слышу – урчит что-то неподалёку. Оглядываюсь – а из темноты на меня два жёлтых глаза таращатся. Ну я и задал стрекача.

– В такой темноте?

– Сам теперь удивляюсь. Но бежал я быстро, а не споткнулся ни разу и лоб о дерево так и не расшиб. Как будто вело меня что-то.

– Магия тебя вела, – кивнул Дисс.

– Чья?

– Твоя, чья же ещё. Я потом объясню, ты рассказывай.

– От того зверя я убежал, – продолжил безымянный. – Но выдохся. Залёг в овраге. Потом снова замёрз, вылез.

– Зачем?

– Не знаю. Помню, что делал, а зачем – нет. Ну и два шага я не ступил в сторону, как зверюга меня снова нашла. Точнее, целая стая зверей. А потом вокруг меня вспыхнул синий огонь.

– И они разбежались.

– Точно. А я свалился обратно в овраг и наутро в меня уже тыкал кинжалом Арджин, – безымянный развёл руками. – Ну так что ты хотел объяснить?

Дисс в задумчивости пожевал губами.

– Осознанно колдовать ты не умеешь? – уточнил он.

Парень отрицательно покачал головой.

– До леса точно никаких воспоминаний?

– Сплошная муть, в которой ничего не разобрать.

Старый Маг встал и начал прохаживаться взад-вперёд.

– Значит, так, – сказал он. – По порядку. В лес тебя закинуло сильной магией. Сильной до того, что ты как стрела пробил несколько слоёв Эфира, он до сих пор там восстанавливается. Откуда именно ты прибыл, мне выяснить не удалось. Возможно, из другого мира.

Безымянный не удивился. Да и с чего бы? Удивление – это реакция на нечто из ряда вон, выбивающееся из обыденности. А какая может быть обыденность у человека, который ничего не помнит? То ли дело Дисс – за несколько тысяч лет можно было привыкнуть ко всему на свете...

– Что касается потери памяти, – продолжил Маг, – то такое бывает от сильных потрясений. Особо впечатлительные даже повреждаются умом. То, что ты не сразу пришёл в себя, можно объяснить как раз этим. И даже твои... проблемы с доверием тоже могут быть вызваны тяжёлой травмой.

– Значит, чем-то меня сильно покорёжило? Есть шанс, что память вернётся?

Дисс остановился, скрестив руки на груди.

– Есть, но не слишком-то на это рассчитывай. Человеческий мозг – штука непредсказуемая... К тому же есть в этой версии один изъян.

– Какой?

– Не кажешься ты мне особо впечатлительным, – Маг задумчиво уставился на собеседника.

За окном задорно щебетали птицы. В комнате висело молчание.

Первым не выдержал безымянный.

– И? Как мне теперь быть?

– Место, куда ты свалился, я уже облазил вдоль и поперёк. Там ловить нечего. С тобой была явно магическая сфера, её я тоже исследовал. Глухо. Ни одного намёка на то, откуда ты взялся. Значит, выход только один – попытаться вернуть тебе память.

– Как это?

– Это? – Маг усмехнулся. – Рискованно. Работать придётся с такой тонкой материей, как человеческий разум, так что сам понимаешь, ставки высоки. Но тонкие материи – мой конёк, так что вряд ли тебе что-то угрожает. Худшее, что может быть – у нас ничего не выйдет.

– То есть ты будешь надо мной колдовать? – с сомнением спросил безымянный. – Я правильно понимаю? Будешь копать у меня в голове?

– Ага. Если бы был другой способ, более простой, я сам бы к нему прибегнул. И он, в общем-то, есть, – Маг дождался вопросительного взгляда собеседника и продолжил. – Надеяться, что ты всё сам рано или поздно вспомнишь.

– А могу и не вспомнить.

Старый Маг с беспечным видом развёл руками. Он мог позволить себе такую роскошь, как вечное ожидание, но не стал об этом говорить. Пусть человек сам решает, как сильно он торопится.

Тот думал долго, с минуту. Дисс уже хотел было предложить ему время подумать, когда парень сказал уверенно:

– Ладно, давай попробуем.

«Значит, очень даже торопится».

– Как скажешь, – сказал Маг вслух и встал. – Я пойду готовиться, а ты пока подумай ещё. До вечера у тебя есть время.

– Угу.

«Он не передумает, – размышлял Дисс, выходя из комнаты. – Его память как фантомная конечность. То, что она отсутствует, не мешает ей болеть и чесаться. Парню не будет покоя, пока он не заполнит пустоту в своей голове. И благодаря этому сегодня вечером мы узнаем, кто он такой и на что годится».

* * *

Когда Маг ушёл, я ещё какое-то время сидел без движения. Прислушивался к ощущениям. Чутьё подсказывало, что под нож лучше не ложиться. Даже если он магический. Даже если его держит в руках самый опытный чародей на свете.

А разум изнывал от недостатка знаний и требовал пищи.

Передо мной стоял выбор – или жить, во всём полагаясь на интуицию, или пойти против неё в надежде обрести нечто большее. И так как «нечто большее» всегда звучит привлекательнее, чем то, что уже есть, в итоге я пришёл к выводу, что всё-таки рискну довериться Диссу. Наверное, я рисковый парень.

До вечера оставалась куча времени. Чтобы скоротать его, я снова взялся за чтение. Прикончил книгу про гномов, поставил её на полку и взял следующую. «Куивиенские стихи и баллады, том первый». Открыл, прочёл несколько страниц. Язык снова не такой, как в других книгах, но понятный. Как и раньше, ни одного непонятого слова, будто читаю на родном. И Футарк казался родным... С чего бы? А пёс меня знает. Может, я был каким-нибудь лингвистом и нёс пламя просвещения в народ.

Жаль вот, что на знания о мире моя просвещённость не распространялась. Когда Дисс сказал, что я «возможно из другого мира», первая мысль была – да, вот почему я никогда не слышал о здешних краях. Книжки по истории читал взахлёб, даже очень скучно написанные. Слушал разговоры, наблюдал за людьми, пытался усвоить местные обычаи. Мне это всё казалось жутко интересным. Так, наверное, и чувствуют себя путешественники, впервые оказавшиеся в чужой стране. Проблема была в том, что я ни о каких странах ничего не знал, ни о

чужих, ни о своих. И если я из другого мира, то могут ли там знать здешние языки?

Вообще, вопросов к самому себе у меня накопилось много. Столько, что я сбился со счёта и решил отвечать только на те, которые не вызывают головной боли. Вот, например, почему я пишу правой рукой, а не левой? Потому что я – правша. Простой вопрос, простой ответ. Или: почему я не ем холодец? Да потому что меня блевать тянет от одного его вида! А всякие «как меня зовут», «сколько мне лет», «как я тут оказался» только сна лишают, а ясности не вносят никакой. Лучше искать и брать знания более доступные и полезные. Например, разузнать о приютившем меня человеке. Или хотя бы почитать о мире, в котором я оказался.

Мир назывался Нирион, и историю имел более чем богатую. В книгах, конечно, всякого было понаписано, и каждая предлагала свою версию событий, но кое-в чём они всё же сходились. История насчитывала четыре эпохи, каждая из которых начиналась с какого-то знакового события. К примеру, вначале был Великий Исход, когда «Боги Всея дали начало миру сему». Летоисчисление в этой эпохе так и велось: «столько-то лет со дня Великого Исхода». В то время беззаботное человечество нежилось под ласковым солнцем, ныряло в молочные реки с кисельных берегов и бесконечно славilo Богов. Мне в такое верилось с трудом. К счастью, в одном из фолиантов нашлось предание, согласно которому Нирион изначально был выжженной пустыней, а люди селились вдоль чёрных от пепла морей и питались одной лишь рыбой да водорослями. Потом они якобы с божьей помощью смогли превратить мир в цветущий сад, но даже это мне показалось более правдоподобным.

Первая эпоха наполнилась мифами, эпическими приключениями, славными героями и их подвигами, драконами и прочими легендами, а божественные вмешательства случались чуть ли не каждую неделю. Именно тогда появились эльфы, гномы и орки – именно в таком порядке. Разумеется, никаких доказательств тому, что всё было именно так, ни один из историков не приводил. Якобы всё было сказочно и прекрасно, а потом люди слишком возгордились, и Боги наказали их Великой Чумой. Это случилось спустя три тысячелетия после Великого Исхода. К тому времени людишки расселились по всей суше и успели понастроить немало городов-государств, так что большой эпидемии было где разгуляться. Она выкосила много народу, но через полвека всё-таки сошла на нет.

Во вторую эпоху люди шагнули изрядно поумневшими и утратившими расположение своего пантеона. Поэтому первое, что они начали делать, это перестали надеяться на Богов и начали надеяться на себя. Появились первые государства, которые постепенно вошли в состав огромной империи под названием Трон-Гарад. Она просуществовала долго и с невероятным треском развалилась на куски. Именно при её распаде начались так называемые возвраты, от которых в мире появились выродки – мутанты, отродья и химеры.

В итоге, в 4120 году со дня окончания Великой Чумы случилось Великое Нашествие. На человечество набросились такие орды выроdkов, что люди срочно побросали все междоусобицы и стали бороться с новой напастью. Началось повсеместное засилье мутантов. Химеры заняли все тёмные углы и жирели в них, поедая всё, до чего могли дотянуться. Людям пришлось подстраиваться под новые условия, чтобы выжить. Опять появлялись государства, политические конгломераты, но размах был уже не тот, что во времена Империи.

А закончилась третья эпоха – кто бы мог подумать – Днём Великого Гнева. Нет, честно, когда я в четвёртый раз увидел слово «Великий» в названии эпохи, прыснул со смеху. Не знаю, откуда у меня столько скепсиса к писаной истории. Наверное, я дремучий невежда и вообще остолоп. Великий Гнев «случился» в 6189 году со дня Великого Нашествия. Тогда одновременно прогремело множество войн, снова появились орды отродий, разыгрались сильные катаклизмы – политическая карта мира изменилась почти полностью. И вот, четвёртая эпоха длилась по сей день. Если я не ошибся в расчётах, со дня Великого Гнева минуло ровно 2880 лет.

Начитавшись, я отправился слоняться по замку. Зашёл на кухню, пообедал. Заставил себя открыть рот и сказать «спасибо». Кухарка сильно удивилась, хоть и попыталась не подать виду. Я привык, что меня считают юродивым, но начал понимать, что это не очень-то удобное положение. Дисс, несмотря на свою очевидную изворотливость и недюжинный ум, внушал доверие – во всяком случае большее, чем остальные – так что у меня не было причин не прислушиваться к нему. К тому же он недвусмысленно дал понять, кто здесь главный. Если хозяин добр и гостеприимен, глупо игнорировать его просьбы.

Что касается самого Старого Мага, то чем дальше, тем меньше я понимал, кто он такой. Для начала старым в прямом смысле этого слова он не был – коренастый мужчина лет сорока, с обычным лицом, залысинами на лбу и короткими волосами, закручивающимися от самых корней. Так он выглядел, сколько его

помнили: поколения слуг сменяли друг друга, а у Дисса даже седой волосинки не появилось. Одни говорили, что он бессмертен. Другие – что он даже не человек. Третьи считали, что он проклят и веками ищет способ снять проклятие. Об этом шептались по углам, и Старый Маг наверняка об этом знал, но не спешил раскрывать правду. Он, похоже, вообще не придавал значения тому, что о нём говорят.

С Диссом никогда не заговаривали без надобности, но всегда вежливо кланялись при встрече. Его побаивались, но за спиной не хаяли. Наоборот, им гордились; чуть заходила речь о других чародеях или правителях, любой в замке с довольной ухмылкой мог сказать: «Ну уж явно не лучше нашего господина». Каким-то непостижимым образом Старый Маг, не прибегая ни к кнуту, ни к прянику, научил обычных крестьян соблюдать тысячи маленьких правил, среди которых были даже основы придворного этикета. Дисс точно не был любителем душевных бесед, но судя по тому, как легко он управлялся с замком, в людях он разбирался прекрасно.

Я поначалу считал Квислендский замок достаточно заурядным поселением, но потом увидел заезжих крестьян. Они являлись раз в неделю или две, чтобы поторговать, так что я не мог пропустить такое событие. Во двор въехало на телегах настоящее мужичьё: неопрятное, туповатое, неотёсанное – даже разбитной весельчак-конюх из Квисленда выглядел на их фоне начитанным аристократом. Мужики рассказывали о том, что творится в окрестных городках и сёлах, жаловались на землевладельцев, молились об урожае и голодными глазами поглядывали в сторону замкового амбара. В сторону башни Старого Мага приезжие даже не смотрели, а местные над ними посмеивались – мол, злой колдун сегодня уже насытился мясом младенцев, до завтра можно спать спокойно. Судя по побледневшим вытянувшимся лицам, многие в это верили.

Наверное, отчасти поэтому я с такой осторожностью стал относиться ко всему, что снаружи. Хотя, конечно же, не только поэтому. Там, за высокими каменными стенами, простирался огромный мир, на который я смотрел с крыши замковой башни. Только с одной стороны виднелись крыши домов, в основном же вокруг чередовались леса, поля и луга; остальное скрывал горизонт. Да, туда тянуло. Но как бы не манили к себе неизведанные дали, я чувствовал, что буду там лишним. У всех, кто населял Нирион, была с ним связь – через предков, через родные края, через боль и потери на худой конец. У меня же не было ничего. Моя бездомность словно вышла за собственные границы и стала безмирностью, в которой я терялся как капля в море, и потому временами воображал, что меня

самого тоже нет, а есть только она – пытающаяся осознать себя безмирность. Что это за чувство и как с ним бороться, я не имел представления. Но на тот момент я о многом представления не имел и по наивности считал, что это пройдёт, как и все остальные мои странности.

Чем ближе к вечеру, тем сильнее я волновался. Чтобы отвлечься, пошёл слоняться по замку. Наведался на тренировочную площадку, но Арджина не было – уехал куда-то с заданием от Старого Мага. Его бойцы воспользовались отсутствием офицера и обретались где-то в другом месте, только один из них остался колоть дрова. В поисках чего-нибудь интересного я побрёл в кузню, но и там меня ждало разочарование: возле холодной печи кузнец чинил сломанную лопату. Я покрутился-покрутился рядом, да и ушёл.

Я вдруг понял, что никому до меня нет дела; жители замка постоянно чем-то занимались, а я изо дня в день маялся от безделья. Из-за того, что я отмалчивался, со мной перестали заговаривать, а затем и вовсе замечать. Невидимый у всех на виду. Призрак. С одной стороны это было здорово, но после разговора с Диссом роли немного дурачка мне стало недостаточно. Я был способен на большее, я хотел большего. Чего именно – неясно, но это ведь не главное, правда? Главное, что застревать в нынешнем положении у меня не было никакого желания. Со всей ясностью, доступной человеку с ампутированной памятью, я осознал необходимость перемен.

Эта мысль значительно всё упростила. Когда я шёл в башню к Старому Магу, сомнений в правильности выбора уже не осталось. Было волнение, был страх, но только перед тем, что грядёт. Открывая дверь кабинета, я предвкушал новые открытия и готовился оставить позади всё, что имел – благо, список этот был крайне невелик. Всё, что от меня требовалось – набраться смелости. И я её набрался.

– Ну что, готов? Не передумал?

Чародей стоял ко мне спиной и даже не повернулся, чтобы убедиться, что разговаривает с нужным человеком. Впрочем, вряд ли кто-то другой решился бы войти к нему вот так – молча и без стука.

– Готов, готов.

Раньше я никогда не заходил в кабинет. Знал, где он находится, но, следуя примеру остальных, обходил стороной. Из-за таинственности, которой окутывал себя Дисс, я не удивился бы, если бы он обитал в полутёмном помещении с низким потолком, заполненном приборами непонятного назначения – как в каком-то логове. Насчёт приборов, к слову, всё так и было. Однако зал оказался просторным, шторы на окнах – прозрачными, а под высоким потолком парили магические огоньки, сами по себе создающие дневное освещение. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, у самого большого окна притулились массивный рабочий стол и кресло. В центре зала было много свободного места, зато на полу красовалась странная фигура: круг, в котором громоздилось множество линий, на первый взгляд совершенно случайных.

Сам Старый Маг стоял за небольшим круглым столиком и молот в ступке нечто отвратительно похрустывающее.

– Ты рановато, – сказал Дисс и махнул рукой в сторону кресла. – Сядь пока. Я закончу приготовления.

Я последовал приглашению. На столе прямо передо мной лежала закрытая книга – «Эртенцио Хар-Талл. Душевные недуги». Это у меня, что ли, душевные недуги?

– Долго тебе ещё? – спросил я, во всю глаза по сторонам.

Со стены на меня смотрел здоровенный глаз с горизонтальным зрачком. Секунду спустя я понял, что это всего лишь раскрашенная гравюра, но взгляд всё равно пробирал до подсознания.

– Не очень, – Дисс залил получившееся крошево густой синей жидкостью. – Торопись?

– Нет. Хотел спросить кое-о-чём.

– Так спрашивай. Как раз есть время.

Он провёл рукой над ступкой, и её содержимое бледно засветилось. Дисс хмыкнул и продолжил помешивать зелье.

– Зачем я здесь?

– Где – здесь? – чародей ни на секунду не отвлекался от своего занятия.

– В твоём замке.

– Я уже говорил.

– Да я не о том, – я махнул рукой. – И так понятно, что ты просто помешан на разгадывании загадок. Но что будет, когда ты во всём разберёшься?

Дисс помолчал. Зелье в ступке светилось всё ярче и стало таким вязким, что больше не прилипало к пестику. Я очень надеялся, что мне не придётся пить эту субстанцию и вообще к ней прикасаться.

– Это зависит от того, что я узнаю.

– Ясно-понятно. Но мне бы хоть какую-то конкретику...

– Я понимаю. Ты хочешь знать свои перспективы, – Старый Маг взглянул на меня и, отставив ступку в сторону, скрестил руки на груди. – Вариантов не так много как может показаться. Если мы сможем вернуть тебе память, ты сам будешь решать, что делать. Удерживать не стану, а может и не захочу.

– А если не сможем?

– У тебя есть Дар, – Дисс пожал плечами. – То, что ты не умеешь им пользоваться, не проблема. Я могу научить. Мне бы пригодился помощник – если ты сам, конечно, не против.

Несмотря на то, что я надеялся на успешное возвращение памяти, мне его слова польстили. Приятно осознавать, что тебя не вышвырнут на помойку, даже если ты окажешься пустышкой. Я поёрзал на стуле и ответил:

– Не знаю, насколько я гожусь в помощники.

– Там видно будет.

Я встал и подошёл к окну. Оно глядело поверх внешней стены на запад, где как раз приближался к горизонту ослепительный кругляш солнца.

– А что, людей с Даром такой дефицит? – спросил я через плечо. – Почему ты готов взять даже меня, человека с улицы, к тому же полного неуча?

Дисс позади меня усмехнулся.

– Чародеев в мире хватает. Просто у них, как правило, ко мне предубеждение. Я в тех кругах вроде как считаюсь изгоем.

– Вот даже как.

– Это во-первых. А во-вторых, формулировка «даже меня» в корне неверная. То, что ты неуч, делает тебя отличным кандидатом, потому что на мой взгляд большинство чародеев – неучи. Причём закоренелые. Они как испорченные заготовки: попали в руки к дурному древоделу, и тот вырезал из них сплошную халтуру. Мне из них уже ничего путного не сделать. А ты – свежий материал, чистое полотно. Непредвзятый, с не замусоренной головой. Готовый впитывать знания.

– Получается, тебе не так уж и выгодно помогать мне вернуть память, – сказал я осторожно.

– Ну, не все люди подонки, – возразил Маг. – У меня, конечно, есть свой интерес, но думай я только о выгоде, даже упоминать бы не стал о такой возможности. Сказал бы: «ты всё равно ничего не вспомнишь, так что айда ко мне в ученики», да и всё.

– И то верно.

– Я больше надеюсь на то, что ты всё-таки восстановишься полностью, – сказал Дисс и, когда я к нему повернулся, пояснил: – То, как ты появился здесь, слишком уж необычно. Опять же, твоя травма... то есть контузия – нечто весьма редкое и специфичное. Докопаться до причин всего этого намного интереснее,

чем просто обрести нового помощника. Да и вдруг ты даже при удачном раскладе не откажешься задержаться у меня в гостях?

– Ты такой добряк! – рассмеялся я. – Как тебя вообще записали в изгои?

– Не все люди подонки, – вздохнул чародей. – Но и добряки не все.

Он внимательно оглядел нарисованную на полу фигуру, потом снова взял ступку, покатал содержимое по стенкам и сказал:

– У меня всё готово. Начнём?

Я с сомнением огляделся.

– Что, уже?

– Если только ты не хочешь ещё о чём-нибудь спросить, – тон Дисса остался серьёзным, но глаза его смеялись.

– А что именно ты собираешься делать?

Старый Маг перевернул ступку, и зелье густым светящимся комком шлёпнулось на фигуру, почти не потеряв формы. Я смотрел на происходящее со смесью озадаченности и недоверия. Дисс сделал ещё один пасс, и клейстер, который можно было разве что скалкой катать, мгновенно разжижился: тонкие светящиеся струйки потекли по линиям фигуры, придавая ей объём. Послышалось тихое шипение, от пола стал подниматься лёгкий дымок. Почему-то запахло грозой.

Чародей указал на фигуру и сказал:

– Сейчас ты встанешь в центр звезды и постарайся расслабиться. Это важно, потому что так мне будет проще, а тебе – безболезненней. Затем я возьму... кхм... несколько различных потоков энергии и начну пропускать их через тебя. Они разомкнут твоё защитное поле и сохранят его образцы внутри себя. Оказавшись внутри, я начну расшифровывать вязь твоих воспоминаний, чтобы понять, где случился обрыв. Затем я создам буфер, в который перетяну всё, что

скрыто от тебя за стеной беспамятства. Скорее всего, возникнет конфликт личностей, ранней и нынешней, поэтому мне придётся совмещать то, что было, с тем, что ты приобрёл после потери памяти. После этого я заштопаю твоё защитное поле образцами, сохранёнными ранее. Вот и всё. Звучит, конечно, путано, но уверяю – ничего сложного.

– Ага, – согласился я, поглядывая в сторону выхода. – Совсем ничего. А что там было про «безболезненное»?

Дисс посмотрел на меня исподлобья и засмеялся.

– Да не переживай ты так! Лучше потерпеть полчаса, чем потом долгие годы терзаться сомнениями, что вот этот-то способ ты так и не попробовал.

Я колебался. Старый Маг терпеливо ждал. Оставался всего один шаг, но именно его я сделать не мог. Нельзя сказать, что меня сковал страх, нет. Просто вдруг нахлынули мысли: «А если я слишком тороплюсь? Может, стоит подождать какое-то время и посмотреть, как всё будет складываться?» Мне казалось, что я вот-вот совершу ошибку; с тем же успехом это чувство могло оказаться робостью перед неизвестностью. Я ощущал тревогу, но понятия не имел, чем именно она вызвана. На секунду мелькнуло недоумение: «Что я вообще здесь делаю?», словно я вдруг проснулся. А потом: «Мне и так не плохо». А ещё, тоже всего на секунду, захотелось уйти.

И едва эта мысль оформилась у меня в голове, стало очевидно, что уходить нельзя. Я вздохнул и прошёл в центр фигуры, тем самым перешагнув через нерешительность – будь, что будет. И сразу же стало намного легче.

– Давай начнём.

Чародей одобрительно покивал и обошёл меня по кругу за пределами фигуры. Я чувствовал, как от него исходит нечто неосоздаемое – извивающиеся нити тянулись от Дисса к фигуре, и та отзывалась слабым мерцанием. Я и раньше чувствовал волшебство, творящуюся в башне, но впервые оказался так близко к её источнику: от столь ясного ощущения текущей вокруг энергии по коже побежали мурашки. Маг остановился прямо передо мной. В его руках прямо из воздуха соткалось блестящее облако, которое быстро уплотнилось в нечто текучее, непостоянное, как водная гладь. В ней даже что-то отражалось, но что

– мог видеть только Дисс.

– Постарайся расслабиться, – сказал он и запустил одному ему ведомый магический механизм.

Линии на полу вспыхнули ярче. Может быть, мне показалось, но в комнате стало прохладно. Грозой запахло сильнее.

Губы Дисса что-то быстро шептали, картинка перед ним менялась, обретая цвет, там мелькали какие-то формы, линии, символы, но я ничего не мог разобрать. Энергии вокруг становилось всё больше, мурашки превратились в покалывание, как при онемении. Действо завораживало; у меня захватило дух, и расслабиться не получалось, несмотря на все старания.

Вокруг меня появилось неровное полупрозрачное поле. По его поверхности то и дело пробегала рябь, из-за чего купол казался живым. Дисса стало почти не видно, но я смог разглядеть его лицо, подсвеченное таинственным магическим облаком: оно выражало лёгкое недоумение.

Из окружности на полу поднялись яркие синие струны, которые закручивались, свиваясь в спирали вокруг меня. При соприкосновении друг с другом или с полем они издавали тонкий хрустальный звон, будто были материальны. Со временем их стало так много, что из-за непрерывного мельтешения я перестал что-либо видеть. Онемение добралось до лёгких, и воздух вдруг стал казаться густым, как кисель. Извне раздался голос Дисса:

– Всё нормально. Расслабься.

У меня закружилась голова, перед глазами всё заплесало и поплыло; я вдруг почувствовал себя не то пронзённым, не то насаженным на магический стержень. Один за другим последовали несколько рвотных позывов – если бы я поужинал, наверняка это было бы зря. Следовало отвлечься на что-то, отвернуться, пока Дисс будет препарировать мои мозги, но разве это возможно – не слышать, как трещит раздираемое на куски сознание?

Лишь совершив над собой невероятное усилие, мне удалось отстраниться от происходящего. Наверное, сказались магические выкрутасы Мага: тошнота тут же пропала, стало тепло и спокойно; казалось, я плыву в молоке или в чём-то

сродни ему. Думать не получалось, память тоже отключилась – всё окружающее глубоко вздохнуло и постепенно растаяло в вечном «сейчас».

* * *

...Я тысячи лет плыву через вязкую субстанцию начала всего. Не осознаю себя, но вижу больше, чем просто пространство, стянутое кривой времени. Вокруг выются смутные образы – обрётшие плоть голоса; они говорят со мной на всех возможных языках, поют мне, нежно раскачивая в такт неразборчивым словам.

Один из образов указывает на нить, что берёт начало во мне и теряется в тумане. Мои руки разгоняют пелену, но за ней обнаруживается прозрачная преграда. Там, за этой плёнкой, на другом конце нити виднеется неподвижная фигура. Она мне сильно кого-то напоминает...

Я спрашиваю у парящего рядом образа:

"Кто это? – Уже спросив, я понимаю, что у человека за плёнкой моё лицо. – Мой брат?»

"Нет, – отвечает бесполой голос. – Это тоже ты".

"Он совсем не двигается".

"Для него ещё рано".

Разделяющая меня и меня преграда мутнеет, превращается в глухую стену. Светло-багровая муть продолжает чуть заметно колыхаться вокруг; и вот, передо мной появляется сгусток, похожий на улыбающееся женское лицо.

"Мама?" – повторяющееся движение моих губ.

Ответа нет. Вместо него сгусток делает неуловимое движение и растворяется, оставив после себя лишь кокон, пустую оболочку. Ко мне приходит незнакомое

прежде чувство – одиночество, тихое, холодное, безнадёжное; кажется, что меня бросили, оставили навсегда. Всё моё естество тянется наружу в поисках хоть кого-нибудь, но голоса вдруг взрываются протестующими воплями: "Останься здесь!".

Поздно. Забыв обо всём, о чём и не помнил, я устремляюсь прочь.

* * *

Звук рвущейся ткани превращает голоса в рёв ветра, реальный, как никогда; я мгновенно вспоминаю, что происходит и распахиваю глаза. В уши врезается грохот, пол дрожит. Вокруг – хаос: ураган искр, взрывы, треск, звон. Грубая сила вздёргивает меня в воздух, начинает кружить и швырять из стороны в сторону. Сквозь какофонию звуков я слышу крик Дисса, но не могу разобрать ни слова.

Удар! Зрение утратило всякую чёткость, перед глазами поплыли цветные круги, а боль во всём теле заставила забыть, где верх, а где – низ. Меня беспорядочно вращает в золотистом коконе и лишь чудом не бьёт о его стенки.

Удар! Сознание на мгновение гаснет, в глазах помутнение: кокон из золотистого вдруг стал тёмно-лиловым.

Удар! Я слышу треск, и мне кажется, что трещат мои кости; вокруг уже летает не менее десятка мерзких зелёных сгустков, что выются надо мной точно хищники.

«Сейчас точно лопну», – пронеслась истеричная мысль.

Я сжался в комок и зажмурился, пытаюсь защититься.

Однако следующий удар оказался в несколько раз сильнее предыдущих – он-то и выбил из меня дух. Всё, что я успел услышать перед тем, как потерять сознание – нарастающий гул взрыва.

* * *

Очнулся я уже в тишине. Относительной, конечно: шумел ветер и поскрипывало где-то поблизости дерево. Меня мутило, болело плечо, голова по-прежнему не соображала, поэтому я не спешил подавать признаки жизни – решил почему-то, что если пошевелюсь, то меня побьют ещё разок.

Потом я услышал неровный стук и узнал в нём топот нескольких пар ног: он всё нарастал, а потом вдруг прекратился где-то совсем рядом.

– Ваше магичество, нужна помощь?

Я открыл глаза. Подо мной оказалась круглая столешница, расколотая пополам, а рядом лежали обломки ножек. Да и вообще, кабинет Дисса было не узнать: всё побито, перевёрнуто, сломано; из мебели уцелел только массивный стол, но и тот лежал на боку. Врывающийся через разбитые окна воздух топорщил страницы разбросанных книг, поднимал пыль и перья. На месте магической фигуры на полу красовался выжженный чёрный круг. Входная дверь отсутствовала, и её нигде не было видно; в пустом проёме замерли не на шутку обеспокоенные бойцы Арджина.

Старый Маг кряхтя выбрался из под оборванной шторы и сел прямо на низкий подоконник. Позади него ветер раскачивал висящую на одной петле ставню. Догорал закат.

– Нет, ничего не нужно. Свободны, – сказал он хрипловато, и, видя, что бойцы всё ещё мнутя на месте, нервно добавил: – А ну пошли вон, я сказал!..

Вояки, наступая друг другу на ноги, дружно щеманулись к лестнице. Где-то на ступенях под их сапогами что-то жалобно скрипнуло. Бьюсь об заклад, что это была та самая недостающая дверь.

– «Ничего сложного», – я, морщась от боли, сел. – «Почти безболезненно». Боюсь даже представить, что в твоём понимании будет болезненно. Четвертование? Купание в раскалённом масле?

– Цел? – игнорируя мой тон, спросил Дисс.

Только сейчас я заметил, что он тоже пострадал: рубаха порвана, щёки ввалились, бровь рассечена. Вместо крови из ранки сочился голубоватый дымок, тянущийся к потолку.

– Ну не то, чтобы совсем, – выдавил я сквозь зубы и указал на его лоб. – А это ещё что такое?

Дисс ощупал ранку, и она тотчас затянулась.

– Это... – чародей замялся. – Подожди минутку.

Он подошёл к дверному проёму, глянул на лестницу, шевельнул пальцами – и дверь встала на место. Затем он сплёл ещё одно заклинание – на уши надавила тишина. Я перестал слышать происходящее на улице и был уверен, что оттуда нас тоже услышать не могли.

– Нам нужно поговорить без посторонних ушей, – пояснил Маг. – То, что ты видел... Я, видишь ли, не человек.

– Эвоно как! – деланно удивился я. – И кто же ты тогда?

– Маг. С большой буквы, – Дисс подошёл ко мне и протянул руку, чтобы помочь встать.

Я, игнорируя его жест, поднялся сам и подошёл к окну. Внизу, прямо во дворе, лежали обломки стеллажа, который ранее стоял в кабинете, а вокруг них толпились обеспокоенные селяне. Они то и дело поглядывали на башню и явно о чём-то спорили.

– Значит, как минимум облик твой ненастоящий, – заключил я. – А если ещё покопаться, может и другое враньё вскрыется, да?

– Я родом из Эфира, – сказал Дисс. – Из энергетического пространства. И сам, естественно, почти полностью состою из чистой энергии. Вряд ли люди смогли бы адекватно меня воспринять в моём истинном виде.

Я промолчал. У меня саднило плечо, разболелась голова, периодически накатывала дурнота, и этого оказалось достаточно, чтобы вызвать нешуточную злость. Меня совершенно не беспокоило, что чародей оказался энергетическим существом, мне просто хотелось его достать, чем угодно. Я доверился ему и теперь чувствовал себя обманутым. Правда, в глубине души я понимал, что не прав, и что если бы чародей хотел мне навредить, нашёл бы способ попроще. Я должен был злиться на Дисса, а получалось, что злился на себя.

Наверное, я тоже добряк.

Маг тем временем нашёл в грудe обломков уцелевшую подушку, кинул к стене, уселся на неё и вздохнул.

– Всё пошло не по плану, – сокрушённо изрёк он.

Я проковылял к перевернутому креслу, лишившемуся двух ножек, и собрался в него сесть, но понял, что будет неудобно. Поэтому для начала пришлось отломать оставшиеся, а потом уже садиться. От резких движений по всему телу стреляла боль. Я на это плевать хотел. Раздражение, переходящее в бешенство, пересилило всё остальное.

– Ты вспомнил что-нибудь? – спросил Маг.

– Нет, – отрезал я. – И не говори, что ты тоже ничего не узнал.

– Странно.

Чародей замолчал и задумался, чем окончательно меня выбесил.

– Нет, странно – это что мои конечности не разлетелись по углам! – рявкнул я. – Ты скажешь мне наконец, что произошло, или мне нужно упрашивать тебя это сделать? Я думал, что сдохну в этом коконе!

От такого громкого крика опять стрельнуло в плечо, и меня перекосило. Досс смотрел на меня исподлобья.

– Это моя вина настолько же, насколько и твоя, – отозвался он. – Всё шло хорошо, пока в энергетическую спираль не вплёлся твой поток. Я попытался всё выровнять, но куда уж там! Дестабилизация была уже необратима, заклинание пошло в разнос. А ведь я только-только добрался до твоего сознания...

– Я никуда не вмешивался, – окрысился я. – Меня вообще усыпило, а когда я проснулся, тут уже хрен знает что творилось! Если что-то куда-то вплелось, то я об этом понятия не имею! Я же даже не знаю как колдовать, забыл?

– А я и не говорю, что ты это сделал умышленно.

– То есть?

Дисс вздохнул, словно ему приходилось разговаривать с непроходимым тупицей.

– Давай по порядку, – сказал он сдержанно. – Я как раз разъял твоё защитное поле. Ты потерял сознание. Следующим шагом было искать узлы воспоминаний, но как только я коснулся твоего естества – души, если хочешь, – твой Дар зашевелился. Если бы у меня было время удивляться, я бы очень удивился, потому что Дар, действующий независимо от своего носителя – это бессмыслица. Полнейшая. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Понимаю, что ты хочешь меня запутать.

– Да нет же! – Маг поднялся на ноги и начал прохаживаться взад-вперёд. – Твой Дар – это независимая магическая сущность, наделенная собственным сознанием, которое пробуждается только в определённые моменты. Например, когда кто-то вторгается в ваш симбиоз или угрожает твоей жизни. Вот почему ты так лихо пластал гоблинов, когда тебя нашёл Арджин...

– Мне от этого полегчать должно?

– Нет, и если будешь перебивать, то и не полегчает, – сказал чародей, и я тут же прикусил язык. – Нас из-за этого чуть по стенке не размазало.

– Или по земле, – мне вспомнился стеллаж.

– Своеволие твоего Дара это не единственная странность, – Маг остановился прямо в центре выжженного круга. – Когда заклинание зациклилось, оно хапнуло откуда-то дармовой энергии, да столько, что я окончательно утратил контроль. Чтобы ты понимал масштабы: того, что задействовал я, хватило бы согреть сотню бочек воды, а то, что получилось после, запросто вскипятило бы средних размеров озеро. При рекурсивной самотрансформации такие заклинания могут устроить катаклизм, который на сотню лиг вокруг сотрёт с лица земли любую жизнь. Землетрясение, наводнение или просто магическая катастрофа – это как повезёт.

Я ещё раз огляделся.

– И почему мы живы?

– Потому что я, вопреки твоим скороспелым выводам, не дилетант.

Я промолчал, но сделал лицо «ну и?».

– Нас спас фокус, который я ещё не скоро смогу повторить, – сказал Дисс уже спокойнее. – В том хаосе ничего нельзя было разобрать. Оставалась надежда, что встряска заставит тебя что-то вспомнить, но...

Чародей замолчал и снова вздохнул – как мне показалось, с совершенно искренней досадой.

Правда была в том, что хоть ничего и не вспомнил, чувствовал я себя явно не так, как раньше. И дело даже не в боли. Очнувшись на сломанном столе, я вдруг понял, что так и должно было случиться. Что раз я чужой этому миру, то вполне логично, если он захочет меня убить. Как будто между нами состоялся короткий диалог: я спросил, что меня ждёт, а мир ответил – без слов, но весьма доходчиво. Не самый приятный ответ, конечно, но для меня и он многое прояснил и расставил по местам.

Стало понятно: мне здесь не рады. Что лучше бы мне выметаться отсюда, а если нет, то буду бит. Маг говорил странные вещи о моём Даре и самотрансформирующихся заклинаниях; я всё это понял по-своему. А именно чем сильнее я дёргаюсь, тем сильнее получаю по шее. Если удача существует, то мне её не видать. Если есть судьба – то мне досталась судьба громоотвода. Так

что, сидя среди разрухи в кабинете Дисса, я как бы наблюдал предстоящую жизнь в миниатюре.

Я пару раз наблюдал, как вояки, конюх и кузнец играли в карты. Иногда тот или иной игрок квасил физиономию и сбрасывал свои карты ещё в самом начале игры, а я ещё не понимал: ну почему бы не сыграть с тем, что есть? А теперь отлично понял, почему. До сегодняшнего вечера я держал в руках то, с чем мне предстоит играть, но не заглядывал под рубашку. Пока есть неопределённость, есть и азарт, потому что жива надежда: если карты хорошие, уж как я тогда сыграю! Но вот я заглянул в них... и тут же вздохнул разочарованно: «мда-а-а». Мучительная неопределённость улетучилась, прихватив азарт, и оставила после себя только досаду заведомо проигравшего и паршивое чувство вселенской несправедливости.

«Ну, что ж, – подумал я, успокаиваясь, – с этим уже можно жить».

Почему-то на тот момент мне показалось, что даже это лучше, чем ничего. Как грязная лужа для умирающего от жажды – гадость, но не умирать же над ней. Грустно, правда, что список альтернатив у меня такой куцый.

Я неосознанно потёр саднящее плечо. Чародей это заметил.

– Может, помочь?

– Чем? – вяло отозвался я.

Язвить и скандалить больше не хотелось. В сущности, я перестал понимать, за что и на кого злюсь. Виноват ли был Дисс, что втянул меня в авантюру, или я, что согласился – какая разница? Победителей здесь всё равно нет.

Старый Маг подошёл, бегло дотронулся до моего плеча. Я снова ощутил покалывание от применяемой магии; на мгновение меня взял озноб, потом под ключицей тихо щёлкнуло, и ноющая боль пошла на убыль. Я даже откинулся на спинку кресла от облегчения.

– Что теперь? – спросил я.

Дисс прошёлся по комнате, остановился рядом с самой большой кучей мусора, в который превратилась утварь. Наклонился, добыл из-под обломков стеклянную сферу. Я тотчас узнал вещицу: именно она была при мне, когда я очнулся в лесу.

– Повторять процедуру извлечения памяти слишком опасно, – сказал он, вглядываясь в туман внутри шара. – А других способов ускорить процесс я не знаю.

Чародей отложил сферу в сторону и начал неторопливо разгребать бардак. Подобрал одну книгу – положил к стенке, подобрал другую, пострадавшую, покачал сокрушённо головой, отложил в сторону. Собрал металлические части разбитого прибора, сгрёб в кучку, щепки и стеклянные осколки мановением руки отправил в угол. Поднял с пола бесформенный корень, выпавший из разбитого сосуда и, подумав, выкинул в окно.

– Значит, возвращаемся к варианту, где я становлюсь твоим помощником? – спросил я через паузу.

– Если ты не передумал.

Я поднялся, покрутился торсом туда-сюда. Ничего не болело. «Может, не так уж это и плохо» – хмыкнув, подумал я. Но для начала всё же решил кое-что уточнить.

– Не обижайся, но есть ли возможность, что кто-то другой сможет выяснить, что со мной не так? Кто-то более... сведущий?

– Сведущий? – Дисс посмеялся. – Это вряд ли. Да, в мире много чародеев, и многие из них даже талантливы, но чтобы они были более сведущими, чем я – нет, мне о таких не известно.

– Хочешь сказать, что ты лучший в мире чародей? – мой голос наполнился скепсисом.

– Эй, я же даже не человек, забыл? – Маг посмотрел на меня снизу вверх. – Эфир мне как дом родной. Люди учатся магии десятилетиями, иногда веками, а для меня колдовать это так же естественно, как для вас – дышать.

– Ладно, а что если это будет не чародей?

– А кто тогда?

– Откуда мне знать? Сам мне скажи – кто может в этом разбираться?

– Гипотетически? – Маг задумался. – Есть духи абсолютного знания. Нам их не найти, об этом даже думать нечего.

– Почему?

– Потому что они знают всё, в том числе как спрятаться от всех на свете.

– Ладно, а ещё?

Дисс покончил с первой кучей хлама и переместился к следующей.

– Да много всяких сущностей. Всякие боги, например. Но поговорить с ними тебе, опять же, не удастся. Божественная мощь, знаешь ли, она не для того, чтобы разговоры вести. К тому же у богов всегда скверный характер и весьма странные представления о том, как всё должно быть. Даже если доберёшься до них и сможешь вызвать на диалог, получишь всё, что угодно, только не ответы на свои вопросы. К тому же они не всезнающие, так что...

– Так, – терпеливо кивнул я. – А кто-то поумнее богов есть?

– Творец есть, – сказал Дисс, которому явно надоела эта тема. – Он точно знает всё, что происходит в его Творении. Ну и, конечно, Хранители – если только они не исчезли.

– Хранители?

– Светочи. Бесконечные источники энергии, из которых сотворена Вселенная. Они – сырьё для мироздания и они же – его щит от безбрежного хаоса, что лежит по ту сторону Творения. Во всяком случае, так гласит легенда. А ещё есть легенда про то, как во время столкновения с хаосом все Светочи исчезли. Так что ты, конечно, можешь попытаться до них добраться, но я бы не стал тратить

время, – Маг помолчал и пояснил: – Да нет им дела до нас, понимаешь? И богам нет, никому нет дела. Ты для начала попробуй найти хоть одного равнодушного человека, а потом уже думай о великих всезнающих надмировых сущностях.

– А другие Маги есть? – спросил я скорее из праздного любопытства, чем в надежде на что-то.

– Такие, как я? – чародей взмахнул рукой, и его рабочий стол с грохотом встал на ножки. – Не в этом мире. Может, где-то очень далеко. И они, как правило, не покидают Эфир.

Мы постояли молча друг напротив друга, раздумывая каждый о своём. Наконец Дисс нарушил тишину:

– Выбор у тебя сейчас простой: остаться здесь или уйти. Как я уже сказал, во втором случае держать не стану. Но из поля зрения не выпущу. – Я удивлённо вскинул брови, и Маг добавил с усмешкой: – Неужели ты думаешь, что после сегодняшнего я брошу попытки докопаться до правды? Если бы всё прошло гладко, я бы, может, так и поступил, но только не теперь.

– То есть если я останусь, то буду кем-то вроде подопытного?

– Крайне неудачное слово, – поморщился чародей. – Я, конечно, безумный учёный, но не настолько, чтобы пристёгивать тебя к столу и ставить опыты. Да и опасно это, – он красноречиво обвёл комнату взглядом. – Скорее я буду внимательно за тобой наблюдать и делать чисто логические заключения. Это называется пассивным изучением.

Я снова подошёл к окну. Там уже сгущались сумерки, воздух свежел и холодными струями забирался под рубашку. Разбитый стеллаж уже собрали и унесли, на мостовой остались только умирающие тени. На смотровой башне скучал дозорный. Жители замка заканчивали дела на улице и возвращались в жилое крыло. Вот-вот должны были запереть ворота – как и в любой день, независимо ни от чего.

Глядя вниз, я подумал, что уже привык – к людям, к месту, к порядкам – и мне, в общем-то, хорошо в Квисленде. Где-то, наверное, мне бы понравилось больше,

но потому ведь и говорят, что лучшее – враг хорошего. И если уходить, то куда? Что искать? Не имея гроша за душой, без малейшего понятия о мире – как жить? Словно нырять в омут, не умея плавать. Дисс, бесспорно, поступал великодушно, предоставляя мне выбор, но он должен был даже лучше меня понимать, что на самом деле никакого выбора тут нет. Если я решу уйти с нагретого места в неизвестность, это будет лучшим способом оправдать прозвище «дурачок».

– У меня только одно условие, – сказал Маг. – Если решишь остаться, ты должен будешь слушать, что я говорю. И воспринимать это со всей серьёзностью.

– Странно было бы с моей стороны не воспринимать всерьёз хозяина замка, – я повернулся к нему. – Твой дом – твои правила.

Дисс покивал.

– Я правильно понял – ты остаёшься?

– Конечно, остаюсь, – я пожал плечами. – По крайней мере, пока.

– Разумная оговорка, – одобрил Маг. – Ожидаемая.

– Есть только одна проблема, – я отвёл глаза. – Так как я ничего не вспомнил...

– Имя? – усмехнулся чародей. – Не нравится, как тебя кличут мои подданные?

– Я могу ошибаться, но «эй», «болезный» или «чудик» вряд ли тянут на имя. Да и остальное тоже.

– А как насчёт «Энормис»? – выдал Дисс. – Я бы назвал тебя именно так.

– Энормис... – я покатал слово на языке. – Энормис... Не слишком-то звучное.

Маг осмотрел меня с ног до головы, вздохнул и, уже поворачиваясь к выходу, пробормотал:

– Зато само за себя говорящее.

Глава II. Неприкаянные

– Ну, дружище, за твой значок! – провозгласил Арджин.

Стук кружек, несколько шумных глотков, удар доньшками об столешницу.

– Кхе, хорошее пойло, – крякнул разведчик, утирая усы.

– По-моему, всё же кислит, – отметил я.

Мой приятель достал любимую трубку и кiset.

– Лучшего ты здесь всё равно не найдёшь. И так самое дорогое.

Я огляделся и мысленно согласился. Чистые столы и удобные стулья – ещё не гарантия наличия погребка с хорошим вином. Зато недалеко от замка.

Арджин не торопясь набил трубку. Над столом поплыл терпкий запах табака.

– Мастером стал, – он покачал головой. – Я, знаешь ли, лет с десяти держу в руках меч. Регулярно тренируюсь. Служил в королевской разведке, а ведь туда кого попало не берут... Уже двенадцать лет сам тренирую солдат. Но чтобы мастером...

Вояка затянулся, подняв брови. В его голосе мне слышалась некая толика зависти, но я не стал заострять на этом внимание. Арджин и сам понимал, что просто тренировок для достижения мастерства недостаточно. С одной стороны, он воспринимал моё упорство как одержимость, но с другой жалел, что ему самому упорства до значка мастера не хватило.

– Хотя знаешь, – продолжил мой товарищ, наполняя наши кружки, – с другой стороны меня это мало удивляет. Я знаю тебя, пожалуй, лучше всех. Мы ведь знакомы с первого твоего дня здесь, а? Так вот при всём при этом я все ещё не могу понять, кто ты на самом деле такой.

– Этого я и сам не могу, – сдержанно улыбнулся я, оглядываясь по сторонам в поисках кухарки. Заказанная нами баранина явно задерживалась.

– И это за восемь лет! – с нажимом сказал Арджин. – Крепкий же ты орешек.

– Тебя что-то беспокоит?

– Не то, чтобы беспокоит, – разведчик поморщился. – Скорее удивляет. Мы ведь так и не выяснили, откуда ты взялся. И может быть поэтому, мне кажется... Ну, мне-то не приходится жаловаться, но вот кое-кто говорит, что норовом ты в Старого Мага. Такой же негиббемый и противный, – он усмехнулся. – Ты не подумай, меня всё устраивает. Но что-то в тебе не то.

Он замолчал, видимо, задумавшись.

– И сказал ты это, к тому, что?.. – подсказал я.

– За тебя! – Арджин поднял кружку.

Мы снова выпили. Хмель лёгкими волнами уже раскачивал мысли, глаза медленнее ловили фокус, а язык постепенно превращался в деревянную ложку.

За окнами трактира постепенно угасал день, поэтому внутри царил приятный полумрак, разгоняемый лишь несколькими лампами да очагом, рядом с которым и стоял наш с Арджином столик. Уютно потрескивали горящие дрова, а тепло от бьющегося за железной решёткой огня нагревало одежду с одной стороны, навевая благостную сонливость.

Людей в таверне собралось порядочно, но не слишком. Неделю назад народ отгулял проводы зимы, так что сейчас активно шла подготовка к посевной. Пустовал лишь один столик, но никто не выкрикивал тосты, не хохотал и не буянил – посетители пришли поесть и ели, вполголоса обсуждая последние новости. Лишь в одном из углов молчаливо накачивалась элем хмурая потрёпанная компания, то и дело косо поглядывая на нас с Арджином, но мы не отвечали им взаимностью.

– Право слово, я рад, что мы друзья, – признался мне разведчик, раскуривая трубку.

Я улыбнулся и подумал, что ещё немного, и он затянет свою старую песню – начнёт мне расписывать, какой я отличный мужик, и какой настоящий человек, и как мало на свете достойных людей. Так всегда бывало, когда мой приятель выпивал лишнего. Мне не особо нравились подобные пьяные бредни, так что я поспешил сменить тему:

– Меня тут пригласили на свадьбу графа Тирхенса...

– Как так?! – удивился Арджин, тут же забыв обо всех тёплых словах, что собирался обрушить на меня. – Ты же несколько месяцев назад прилюдно опозорил его на дуэли? Или... О!

Нам наконец принесли заказанные рёбрышки, но мой друг обрадовался так, будто подали целого барана, и снова забыл, что хотел сказать.

– Боюсь, пригласить меня его вынудила старая графиня, – с ухмылкой ответил я, отрывая себе кусочек мяса. – На прошлом балу мы приятно поговорили, и она долго восхищалась моей образованностью и глубиной суждений. Правда, смотрела на меня скорее плотоядно, – задумчиво добавил я.

– Это уже после того, как этот болван вызвал тебя на дуэль? – Арджин набил рот, из-за чего фраза получилась почти нераспознаваемой.

– После.

– Ну не идиот ли? Да он тебе до конца жизни должен быть благодарен только за то, что ты его на фарш не пустил, хотя имел полное право! Я только под конец подошёл, но с удовольствием понаблюдал, как он убегал от тебя, одной рукой сжимая обломок шпаги, а другой придерживая штаны, – разведчик улыбнулся.

– Я немного... перегнул палку. В том случае скорее неправ был я, чем он.

– Да ладно! Так что же там произошло?

– Господин Тирхенс решил, что я оскорбил честь его будущей супруги.

Арджин, как раз наполняющий наши кружки, хрюкнул от смеха и пролил немного вина.

– Он был так взбешён, что потребовал с меня удовлетворения немедленно. И когда я поинтересовался об условиях, он был настолько уверен в себе, что позволил мне выбрать любое оружие. «Всё равно моя шпага вспорет вам брюхо, милорд!»

Мой приятель захохотал в голос. Его крайне забавляли подобные рассказы. Подозреваю, что большей частью потому, что сам он был человеком простым и на дух не переносил расфуфыренную знать, едущую исключительно серебряными приборами и пьющую из бокалов редкого гномьего хрусталя, но при этом нажирающуюся до пороссячьего визга точно братия грузчиков из ремесленного квартала.

– И когда я выбрал меч, он искренне удивился.

– Ха-ха! Ещё бы! Он, небось, понятия не имел, с кем имеет дело!

– Фехтовальщик из милорда Тирхенса, откровенно говоря, неважный, благодаря чему мне и удалось уберечь свои внутренности на их местах, – я поднял кружку, и мы ещё раз выпили.

Снаружи окончательно стемнело, народ стал постепенно разбредаться по домам, а мы всё сидели. Это было то единственное, по чему я иногда начинал скучать. Друг, тепло горящего камина, вкусная еда, выпивка и непринуждённый разговор. Только в таких условиях я мог расслабиться и забыть все свои заморочки.

– Так всё-таки, почему он решил, что ты оскорбил честь его дамы?

Я кашлянул в кулак и отвернулся, вспоминая события того дня. Не хотелось распространяться об этом деле, но разведчик слишком хорошо меня знал. Он уже всё понял по моему лицу.

– Так, давай, рассказывай, – он скрестил руки на груди и уставился на меня одним из тех взглядов, которые как бы говорят: «лучше расскажи по-хорошему, я всё равно из тебя это вытрясу».

Я вздохнул:

– Мы с ней познакомились за несколько дней до дуэли...

Арджин снова захохотал.

– ... на балу в честь заключения сделки между торговой гильдией Кериста и танами срединного Прибрежья. Сделка сулила такие прибыли, что купцы разорились на торжественный пир для новых партнёров, чтобы выказать свои доброжелательность и почтение. Ну, лизнуть задницу. Мой приятель Алонсо – ты должен его помнить, – как почётный член гильдии, разумеется, был приглашён. Я зашёл к нему в тот день, просто чтобы узнать, как поживает этот невероятно обаятельный мешок с деньгами, и застал его за сборами. Он позвал меня с собой. Я согласился.

– Ха, когда ж ты отказывался, – хохотнул мой приятель. – Так с ней-то ты как встретился?

Он снова наполнил кружки. В голове уже изрядно шумело, и пить дальше не очень-то хотелось, но бросать товарища наедине с полупустым кувшином я не собирался. «Придётся прогуляться на свежем воздухе, проветрить голову», – подумал я и продолжил рассказ:

– Взял и встретился. Она сидела одна одинёшенька за столом, пока все танцевали, но и отшивала всех кавалеров. Не знаю, где болтался этот горделивый прыщ. Будь он рядом с ней, дуэли бы не было. А так смотрю – такая девица грустит! Ну и сел рядом. Она думала, я, как и все, клеиться стану. Боковым зрением вижу – замерла, смотрит на меня, ждёт, когда начну. А я всё сижу, выпиваю не торопясь, улыбаюсь, смотрю по сторонам, на неё – ноль внимания. Просидели так несколько минут, прежде чем она не выдержала и первая заговорила.

Я отхлебнул из кружки, чтобы собраться с мыслями и перевести дух. Арджин терпеливо ждал продолжения.

– Мы быстро нашли общий язык. Я выяснил, что зовут её Таммита, и что она – дочь одного из богатейших керистских купцов, которую по расчёту выдают за графа Тирхенса. История банальная – Тирхенсы сильно поиздержались за последние годы, появились неприятные долги, а её родителям требовались государственные льготы и благородная фамилия. Её отец уже лет десять искал подходящую партию дочурке, но кандидаты оказывались то недостаточно богатыми, то недостаточно именитыми, и несчастная оставалась в девках. А тут он случайно познакомился с мамашей-графиней. Вот они и договорились, женим-ка детей. Ну, милорд Орвальд Тирхенс был весьма не против такого брака – девица красива и воспитана, двадцать два года – ещё не слишком стара, не говоря уже о приданом. А вот ей выходить замуж за плюгавого девственника, который вдобавок ей в отцы годился, было как-то совсем не с руки.

– Могу представить! – хохотнул Арджин. – Стареть рядом с разодетым поленом и ждать, когда же он уже скопытится. Девке мужик нужен! Мужик, а не тварь бесхребетная!

– Тут ты прав как никогда, – я вздохнул. – Девица оказалась очень темпераментная. Пока мы говорили, она так решительно напивалась, что даже мне стало не по себе. Раскраснелась, глаза заблестели. И с такой ненавистью она говорила про своего жениха и всю его семейку, что, казалось, вот-вот подскочит, найдёт суженного и последние волосёнки ему вырвет. А потом вдруг как схватит меня за руку, как зашипит, аки рассерженная кошка: «Пойдём!», и тащит меня наверх.

Арджин снова заржал, на этот раз так сильно, что едва не свалился со стула. Пытаясь отдышаться, выдавил из себя:

– А ты такой вроде и ни при чём, пошёл. Честь оскорблять! – И он снова зашёлся в хохоте.

– Вроде того, – я поёжился. – Спускаться оттуда мне пришлось через сад, потому что, уже одеваясь, я услышал, как верещит и топочет этот болван на подходе к двери. Кто-то, видимо, заметил, как мы с ней удалялись в спальные покои, и когда он её хватился, ему по доброте душевной рассказали, что был тут этот бродяга из Квисленда, и ушли они с госпожой вон туда. Я сижу и думаю – всё, вляпался. Но Тамми тоже услышала, и соображала она быстрее меня. Мимолётно чмокнула меня, зачем-то вlepила пощёчину и вытолкала на балкон – будто так и

надо. Я как раз шёл по карнизу в сторону ближайшего дерева (между прочим, проклиная всё на свете, потому что карниз был высокий и скользкий), когда услышал, как граф ворвался в комнату и они оба начали орать. Да и как иначе, ведь зайдя он на пять минут раньше, застал бы нас с ней в интереснейшей позиции.

К концу рассказа мой приятель лежал на столе и беззвучно дёргался, силясь вдохнуть через смех. Я налил нам ещё вина и выпил первым. Никогда не понимал, что его смешит в подобных историях, но хорошо, что хоть кому-то от них весело.

– С тобой помереть можно, – вытирая выступившие слезы, проговорил Арджин, а потом вдруг посерьёзnel и без тени улыбки спросил: – Не жалеешь?

Я помолчал и, улыбнувшись, пожал плечами:

– Не о чем тут жалеть.

И правда, не жалел.

Мы замолчали, задумавшись каждый о своём.

– Станный ты всё-таки, – Арджин опустошил свою кружку и занюхал куском хлеба. – Знаешь же, что кое-какие деяния лучше оставить другим. Что не станет тебе от них лучше. И всё равно делаешь!

– А мне вообще-то стало лучше. Ровно до того момента, как я оказался на карнизе.

– Вот именно.

– Арджин, прекращай, – я улыбнулся и хлопнул приятеля по плечу. – За меня переживать не надо. И понимать все мои поступки тоже не обязательно. Я живу как умею.

– Так и напрашиваешься, чтобы тебя научили жить, да? – взгляд Арджина можно было бы назвать угрожающим, если бы не полуприкрытые от опьянения веки.

– Напрашиваешься в учителя? – усмехнулся я. – Смотри, у меня уже есть парочка. Хочешь быть похожим на них?

– Бр-р-р-р-р! – разведчик так сильно помотал головой, что я стал переживать за его шею. – Нет уж, увольте. Я лучше буду просто с тобой пить.

– Звучит как тост!

И мы снова выпили.

* * *

Из таверны мы вывалились примерно за час до полуночи, когда сам хозяин уже мирно посапывал, прикорнув на стуле у очага. Оба пьяные, отдохнувшие и весёлые. Ночь выдалась прохладной, окна трактира запотели, дорожная грязь затвердела, но ни я, ни тем более мой изрядно напившийся друг холода не чувствовали.

– Ну... ик!.. что? – спросил Арджин, с трудом переставляя ноги. – Ты в замок?

Мы вышли к конюшне, где стояли наши скакуны. Пока мы сидели за столом, прислуга квислендского трактира успела расчесать и накормить животных. Что ни говори, а порядок на подконтрольных территориях Дисс наводить умел. Не знаю, когда Старый Маг успевал следить за хозяйственными делами, учитывая его чрезвычайно насыщенное расписание. Иногда я всерьёз подозревал, что он вообще не спит. По крайней мере, за все восемь лет жизни в замке мне ни разу так и не удалось застать его спящим.

– Не сегодня. Я собирался заехать к Алонсо.

– Ты сорб... собор... со-би-ра-ешь-ся... ик!.. прям щас туда ехать? – разведчик воззрился на меня мутным взглядом.

– Переночую в корчме Глубокого Ручья. Прогуляюсь перед сном... – протянул я, выводя коней.

– Ну, как знаешь, – тут же расслабился мой приятель, хватаясь за поводья своего буланого. – А я – в замок.

Разведчик бегло проверил подпругу, икнул, остановился, стараясь поймать равновесие, и прыгнул в седло. Его занесло, но Арджин успел ухватиться за лук, от чего коняга по инерции сделал шаг вбок и недовольно фыркнул. С трудом выровнявшись в седле, мой приятель долго целился второй ногой в стремя, и попал в него, наверное, только с десятой попытки.

Я с интересом наблюдал за его мучениями и мысленно прикидывал, доедет Арджин на этот раз до замка верхом, или они с конём добредут туда по отдельности к утру. Впрочем, ехать было всего полверсты, поэтому я понадеялся, что столько он продержится в вертикальном положении.

– Всё, пшёл, – он пришпорил буланого, махнул мне рукой, издав совсем уж неразборчивое «Двстрчи!», и скрылся в темноте.

Я покачал головой, вслушиваясь в удаляющийся стук копыт. Главное, чтобы он не решил доскакать до пункта назначения побыстрее. Тише едешь, дальше будешь – как раз про этот случай. Уж слишком его развезло. Пили мы наравне, но курящий Арджин, будучи вдобавок меньше меня по габаритам, хмелел значительно быстрее.

До Глубокого Ручья оставалось около часа езды, так что нужно было выдвигаться, чтобы не терять времени. Я в свою очередь прыгнул в седло и меня тоже занесло. Это была моя нелюбимая часть опьянения: когда привыкаешь, что твои движения отточены до волоска, такое состояние доставляет ощутимый дискомфорт.

Не успевший набрать длительности апрельский день давно спал, его огненное сердце скрылось за горизонтом, отдав Нирион в объятия прохладной весенней ночи. Воздух стал тих и свеж; несмотря на полное отсутствие ветра дышалось легко и свободно. Ещё голые деревья медленно выходили из спячки, терпеливо ожидая настоящего тепла, а запахи юной весны уже начинали кружить голову после сухой, седой старухи-зимы.

Подстёгнутый каблуками жеребец дёрнулся и рысью пошёл по дороге на восток. В лицо пахнуло холодным воздухом, и я втянул голову в плечи, запахиваясь поглубже. Не следовало так рано скидывать плащ с тёплой подбойкой, ну да ладно. В ту ночь, когда я появился здесь, было значительно холоднее, а на мне оказались только жалкие лохмотья, и ничего, до утра проспал и не окоченел.

Я усмехнулся воспоминаниям.

Дисс оказался отличным наставником. Я проникся к нему уважением, когда впервые всерьёз напортачил – по собственной инициативе решил поупражняться в магии, хотя был к этому совершенно не готов. Моё «заклинание» размягло каменную опору, из-за чего в кухне обрушился потолок, в блин расплющив клетку с белым хомяком, любимцем нашего повара. Повар очень разозлился. Глядя в его налившиеся кровью глаза, я почти видел, как вылавливаю крысиные хвосты из своего супа. Дисс явился только через полчаса, одетый в ночнушку и тапочки. Он равнодушно осмотрел повреждения и задал всего один вопрос: «Урок усвоил?» И, получив утвердительный кивок, молча ушёл. Самое удивительное, что повар на следующий день полностью оправился от потери и без колебаний принял мои извинения. Никаких последствий я тоже не ощутил. Не знаю, что произошло на самом деле, но уверен – без Дисса не обошлось.

И так было во всём: на мои неудачи Маг реагировал спокойно, не отчитывал, не призывал к дисциплине, только спрашивал: «Ну, получится в другой раз. Может, отдохнёшь?» – но после этих слов я враз чувствовал себя полным дерьмом и из кожи вон лез, чтобы сделать что нужно и как нужно. Это казалось невозможным, но старый чародей умудрялся контролировать каждую мелочь, не прилагая никаких усилий. Он словно мог подчинять чужие умы – и иногда я всерьёз начинал думать, что это правда.

Через две недели просиживания штанов в библиотеке мне захотелось чего-то более подвижного и менее скучного. Мне всегда нравилось наблюдать за тренировками бойцов Арджина, и я решил, что воинское умение – как раз то, чего не хватает в моей жизни. С одной лишь оговоркой: мне хотелось научиться драться мастерски. Поговорил об этом с Диссом; тот пожал плечами и сказал, что напишет кому нужно. С тех пор я раз и навсегда уяснил, что следует тщательнее обдумывать желания, прежде чем их озвучивать.

Мастер Току приехал через месяц и сразу вызвал у меня недоверие. Он был мал ростом, тщедушен, лыс и выглядел на пятьдесят с хвостиком. Оказалось, что ему на тот момент было под семьдесят, но это не главное. Главное – взгляд. Иногда мне казалось, что старик может вколачивать им гвозди. И, в отличие от Дисса, мастер Току вовсе не пренебрегал простейшими воспитательными элементами, такими как ор, уязвляющие гордость комментарии и рукоприкладство. Несмотря на скромные габариты и преклонный возраст, он лупил меня, как семилетнего мальчишку. На глазах у всех замковых зевак.

Поначалу каждый мой день напоминал пытку. Подъём с рассветом, завтрак и сразу же изматывающие физические упражнения во дворе. Току говорил, что прежде чем браться за меч, нужно быть уверенным, что сможешь его удержать, поэтому ещё до полудня сгонял с меня семь потов. Свой обед я ел с трудом, потому что пальцы не сжимались, шея не гнулась, а желудок не хотел принимать пищу. После получасовой передышки я брёл в библиотеку, на великую битву с легионом трактатов по магическим наукам и неодолимым сном. Мне везло, если сам Дисс не сидел рядом – тогда я мог, по крайней мере, поглядывать в окно и наблюдать за рутиной обитателей замка. Это тянулось до вечера, после чего я шёл в тренировочный зал и под чутким наблюдением Току отрабатывал боевые движения. Мастер заставлял меня повторять одно и то же до тех пор, пока результат его не устроит – а для этого порой требовались тысячи повторений. Перед заходом солнца я заталкивал в себя ужин и снова плёлся к Диссу, на этот раз в кабинет. Там он проверял мою дневную работу, читал лекции и наглядно показывал разные заклинания. К концу этого урока мои глаза съезжались в кучу, а сил не оставалось даже на зевоту. Добравшись до постели, я падал без чувств. Одни Боги знают, как я продержался всё то время. Наверное, всему виной моя непобедимая гордость.

Но прошло несколько месяцев, и стало полегче. Обучение начало приносить плоды. Я стал легко просыпаться, научился рассчитывать силы, подружился с науками. Току выставил меня на поединок с одним из молодцев Арджина, и я одолел того сходу. Дисс, наконец, стал разбавлять теорию практикой, и выяснилось, что магия – это не так уж скучно. Вдохновлённый успехами и одобрением наставников, я так увлёкся обучением, что почти два года больше ничем не интересовался. Хотя, если говорить откровенно, времени у меня ни что больше и не было.

Всё изменилось, когда к нам в глушь заглянули столичные чародеи из Меритари – это самый большой в Нирионе орден чародеев. Только увидев их, я понял, что

ничегошеньки не знаю о мире, в котором живу – прочтённые книжки по истории не в счёт. Тогда ко мне и пришла впервые мысль, что неплохо бы и свет посмотреть, и себя показать.

Время шло, и однообразные квислендские пейзажи приедались всё больше. На четвёртый год проживания в замке я начал чуть слышно подвывать от скуки. Обучение у мастера Току несколько замедлилось, Дисс стал чаще отлучаться по делам, иногда неделями пропадая неизвестно где. У меня появилось намного больше свободного времени, которое я не знал, куда девать, а потому бессовестно дрых и маялся дурью. Благодаря этому и началась наша с Арджином дружба.

Однажды зимой я сидел на сторожевой башне и развлекался, бросая снежки во флюгер на крыше другой башни. Та стояла достаточно далеко, дул ветер, поэтому я, чтобы упростить себе задачу, промораживал каждый снежок до состояния ледяного шара. За этим не слишком интеллектуальным занятием и застал меня Арджин. Он поднялся, чтобы выяснить, что за бес атакует амбарную пристройку, из-за чего пострадали уже два окна, пять горшков с маслом и темечко конюха, случайно оказавшегося в зоне поражения. Я уныло извинился за это безобразие и клятвенно пообещал больше так не делать. Арджин понял меня без слов. Он усмехнулся в усы, сочувственно на меня посмотрел и предложил выпить в ближайшей таверне. Я не заставил его переспрашивать.

С тех пор мы наведывались в ту таверну раз или два в месяц, и сегодня был как раз один из таких дней.

...В отдалении забрежал лёс, и почти сразу пахло печным дымом.

Вот так. Задумался и не заметил, как почти доехал до Глубокого Ручья.

Да, первые несколько лет я был тем ещё затворником. Зато потом!

Прилежание сменилось остервенелыми попытками наверстать упущенное время. Окрестные города и деревни, находящиеся не дальше, чем в дне пути от Квисленда, я объехал за полтора месяца. Поначалу только смотрел и слушал, привыкал к людям и обстановке, вникал в происходящее, но роль наблюдателя мне быстро наскучила.

Первая же попытка завести новые знакомства закончилась дракой в трактире, а потом и сточной канавой, в которую меня, оглушённого, выкинули. Я учёл ошибки, сделал выводы, через три дня вернулся и взял реванш. Как ни странно, вбивая кулаки в тела трёх забияк, которые уязвили мою гордость в прошлый раз, я впервые почувствовал себя своим в этом насквозь чужом мире. И ощущение это было непередаваемым.

К сожалению, в процессе мы разгромили полтрактира, и понёсший убытки хозяин кликнул стражу. Так я познакомился с ямой – ведь заплатить штраф и возместить стоимость разгромленной утвари не смог. Усвоил ли я урок? Безусловно. Но не сразу.

Дисс неведомым образом узнал о моих похождениях и на следующем же занятии потребовал объяснений. Их не нашлось. Тогда Старый Маг с прищуром заглянул в самую мою душу, усмехнулся и сказал: «Делай, что хочешь, только держи в тайне свой Дар. Ради твоей же безопасности». Он и представить не мог, как сильно недооценивает фразу «Делай, что хочешь».

Я начал искать способы заработать – и раз магией пользоваться было нельзя, пригодилось умение махать мечом. Я нанимался в охрану, участвовал в подставных боях, записывался в различные воинские турниры – брался почти за всё. В итоге за мной закрепилась репутация драчливого и не особо умного наёмника. Несколько раз мне пытались заказать убийство, но я всякий раз корчил дурака и отказывался.

Чуть погодя ко мне подкатили вербовщики местной гильдии убийц. Несмотря на то, что отказ мой был очень вежливым, они очень обиделись и решили попробовать меня на зуб. Наверное, гильдия хотела проучить зарвавшегося громилу, но у них не вышло – подосланного головореза я прибил. Вслед за этим последовало ещё два покушения, с более кровавыми исходами. При последнем мне даже пришлось применить магию, невзирая на риск засветиться перед посторонними. Видя, что отношения с гильдией переросли в серьёзный конфликт, я решил посоветоваться с Диссом. Тот взбесился, но дело уладил – отправил письмо в Керист, после чего нападения и впрямь прекратились.

Стало очевидно, что мне следует быть осторожнее, поэтому я решил сменить род деятельности – и нанялся в Службу Чистильщиков. Платили там хорошо, и в то же время риск обзавестись новыми врагами сводился к минимуму. Да, работёнка у них грязная и рискованная – тут тебе и всяческие развалины, и

кладбища, и ямы с отходами, но особой брезгливостью я не отличался, так что решил попробовать.

Во время первой же вылазки химера исхитрилась и плюнула в лицо приставленному ко мне опытному чистильщику. Напарник закричал, упал в грязь, и, пока я пытался сладить с мутантом без помощи магии, умер – кислота выжгла ему половину головы, оголив череп. Я заметил это, только когда всё-таки одолел химеру. И долго потом смотрел, как она в агонии хлещет щупальцами, как размахивает уродливой клешней в слепой попытке убить ещё хоть кого-то. Стоял без движения, пока тварь не издохла. Мой напарник, которого я знал меньше суток, глядел на меня пустыми глазницами, а его чудом уцелевшие губы пожелтели и искривились, словно в злой усмешке: «Сегодня я, завтра – ты». Я поджёг логово чудовища, вынес тело чистильщика наружу и сжёг его тоже. Отдельно. Не знаю, почему.

Одно я понял в ту ночь наверняка – что по-прежнему бессмысленно трачу время. Что занимаюсь, в сущности, ерундой. Что я до сих пор бесконечно далёк от мира, которым окружён со всех сторон. И всю мою бесшабашность как ветром сдуло.

Когда дурман азарта немного рассеялся, я снова сосредоточился на обучении – но теперь намного более осознанно и целенаправленно. Да, я по-прежнему выезжал на прогулки, подрабатывал и напивался с Арджином, но уже без куража. Именно сдержанность и размеренность позволили мне, в конце концов, отшлифовать свои навыки, одолеть мастера Току и получить долгожданный знак мастерства. Кажется, в тот день он впервые был мной по-настоящему доволен.

Это случилось десять дней назад. А вчера Току уехал. Остался лишь Дисс, но и его наука теперь даётся мне почти легко. Не могу сказать, что это так уж интересно – наверное, я просто привык учиться. Жизнь стала плавной и размеренной, в чём-то даже совсем обычной, временами скучной – я сам сделал её такой. Иногда мне это даже нравилось.

Когда впереди замелькали привратные факелы трактира, хмель из головы уже окончательно выветрился. Стало клонить в сон. Я поёжился и блаженно улыбнулся в предвкушении ужина, тихого полупустого зала и тёплой постели. Хозяин трактира никогда не отказывал тем, кто платит полновесным королевским золотом. Думаю, он немного меня побаивался, хотя повода для этого я ни разу не давал. Наверное, загвоздка в том, что я всегда неразговорчив и вооружён.

Постоялый двор находился с правой стороны дороги, с левой же, прямо напротив него, расположилась ветхая церквушка постройки времён позапрошлой войны с Дембри. Как и все остальные, входом на восток. Крыша просела и покосилась, стены искривились, дверь не закрывалась до конца, но местному священнику каким-то образом всё же удавалось поддерживать здание в собранном состоянии. Я не особо почитал богов Святой Церкви, но к этому их служителю проникся уважением. Вера и аскетизм, наверное, все же чего-то стоят.

Я почти подъехал к воротам трактира, когда до меня донёсся странный звук. Пришлось остановить коня, чтобы расслышать. Оказалось, мой слух уловил детский рёв и пьяные мужицкие выкрики из маленького домика, прислонившегося к постоялому двору правым боком. На секунду мне даже показалось, что откуда-то неподалёку слышится приглушенный женский плач.

Какое-то время я стоял, прислушиваясь. Вся деревня спала, свет горел лишь в этом доме да в корчме. Среди приглушенных криков женщины раздался звук разлетающейся вдребезги посуды. Я хмыкнул и тронул коня дальше по улице. Не иначе, очередная семейная разборка.

Несмотря на позднее время ворота трактира стояли открытыми – значит, внутри ещё сидят посетители. И хотя порядочным работягам давно пора спать, ничего удивительного: из всей округи только здесь подают приличную выпивку по неприлично низкой цене, поэтому сюда стекаются не только местные, но и мужики со всех окрестных выселков. Частенько здесь случаются и пьяные драки, которые заканчиваются тем, что трое здоровенных сынков трактирщика хватают за шкуру всех «буйных» посетителей и вышвыривают вон из «приличного заведения», по выражению самого хозяина.

Стоило мне спешиться, как откуда-то из темноты выскочил взъерошенный мальчишка-конюх, звонко выпаливший:

– Дяденька, дай монетку! – спросонья один глаз у него открылся только наполовину.

Я знал, что за медный грош этот паренёк и расчешет коня, и овса раздобудет, поэтому заранее приготовил несколько медяков, которые сейчас быстро перекидывали в его ладошку.

– О-о-о! – Глаз у мальчишки тут же открылся как следует. – Много спасибо, добрый господин!

И, взяв под уздцы моего скакуна, мальчонка потянул его в конюшню.

Я же немного постоял на улице, оглядывая чистое ночное небо, и зашёл в корчму.

Здесь, как всегда, жутко несло низкосортным табаком, винным перегаром и неистребимым запахом пота. Я не ошибся: пять из восьми столиков пустовали, у очага мирно посапывал какой-то дед с толстым трёхцветным котом на коленях, у стойки медленно накачивался элем какой-то толстячок, похожий на мелкого кантернского торговца. Обычно тут собиралась довольно пёстрая публика: крестьяне, везущие в город на продажу свои урожаи, бродячие музыканты, мелкие купцы, чуть не под ноги бросающиеся с рекламой своих товаров, реже – гонцы и паломники (крупный тракт пролегал к северу отсюда) или просто одиночные путники, вроде меня.

Сейчас за столиками сидели сплошь крестьяне, причём скорее всего местные – в такой поздний час мало кто решится отправиться домой по небезопасной дороге. Справа от входа располагался очаг, в котором, сколько помню, всегда горел огонь, прямо напротив двери – стойка трактирщика, за которой пряталась низкая дверь на кухню. Слева же, в углу рядом со стойкой, брала начало лестница, ведущая на второй этаж, к жилым комнатам.

Я проверил, не торчит ли моё оружие из-под плаща, и не спеша подошёл к устало моргающему трактирщику:

– Здравствуй, Фелек.

– А-а, господин Энормис! Припозднились вы, народишку-то нету уж почитай. Чего желаете?

– Для начала куриный суп и пинту пива за дальний столик. И... остались у тебя свободные комнаты?

– Для вас всегда местечко всегда найдётся, – Фелек дружелюбно осклабился. – Седьмая комната, ключ вам принесут вместе с подносом. Ещё чего-нибудь?

Я лишь отрицательно покачал головой, положил две серебряные монеты на стойку и молча направился к своему столику, который стоял в углу зала, слева от очага. Это самый тёмный угол, поэтому никто туда не садится и не мешает мне спокойно есть. Я сел спиной в угол и, чтобы скрасить ожидание заказа, решил изучить сегодняшнюю публику.

За ближайшим к стойке столиком сидели три очень похожих друг на друга амбала – сыновья корчмаря – и неспешно потягивали эль в полном молчании, изредка косясь на меня беспокойными взглядами. Наверное, разглядели под плащом меч. Через столик от них тощий субъект в грязной куртке гипнотизировал кувшин с вином. Его большие, сбитые в кровь костяшки пальцев говорили о том, что подрабатывал он кулачными боями, а синяк под глазом и дырявые сапоги – что бойцом он был неважным.

Рядом со мной, за соседним столиком, притулилась компания в составе бодрого дедка, украшенного чахлой бородёнкой, верзилы средних лет с красным лицом и здоровенными ручищами, а так же одетого в цвета купеческой гильдии мужичка с грустными коровьими глазами. Они так же пили эль и разговаривали вполголоса, но в силу небольшого расстояния между нашими столами было прекрасно слышно, о чём. Обычно меня мало беспокоит трёп крестьян, но в этот раз мой слух уловил несколько интересных слов, поэтому я со скучающим видом прислушался.

– А слышали вы, мужики, – говорил дед, – будто ведьма у нас в деревне завелась?

– Это когда ж? – прогудел здоровяк. – Уж сколь редко я сюды прихожу, да токмо не настолько, чтоб таких небылиц не слышать. Какие ведьмы у нас тут? Опять бабских россказней наслухался, хрыч старый!

– Каки, каки, вот таки! – зашипел старик. – Эх вы, разъездились по ярмаркам да не ведаете ничаво! Михана то наша!

– Бреешь!

– Это та, что рядом с корчмой живёт? – подал голос доселе молчавший купец. – Точно брешешь, Дервень. Такая баба красавица, да с дитём! Какая с неё ведьма? Эх, вот бы на сеновал её затащить, вот где она истинные чудеса покажет, верно слово!

Они со здоровяком хором засмеялись. Однако дед, которого называли Дервнем, смотрел на них сердитым глазом.

– Эх вы! Да сам ж я видал, как нашли у неё прям подле хаты под досками спрятанные знаки богомерзкие да книги накромансерские! Увидав то дело, люди хотели было на вилы её поднять, потому как у многих ни с того ни с сего скот пропал, да токмо Йемисей, святец наш, не дозволил.

– Это почему ж? – удивился здоровяк, более не подвергающий сомнению рассказ Дервня. – Коли ведьма, так прибить жеж надобно, покудова она всех детишек в селе не извела! А лучше сжечь!

– Тебе б все жечь, Хомка! А пастырь наш не таков! Отрекись, грит, от сил черных! Есть ещё, грит, возможность спасти тебя, грешницу, токмо надобно тебе изгнать из себя мерзость тёмную мощью Богов наших, принять в себя благодетель Их! Уверуй, грит, в Аланну-матушку да Явора-отца, поклонись детям их, Иале да Ирили, Мертану да Голаху...

– Так когда ж это было? – прервал увлекшегося старикана купец.

– Да утром севоднеча! Под руки её хватили, а она мечется, рвётся, аки бестия адова! Йемисей ей отрекись, грит, а она орёт дурным гласом, не виновата, мол, ни в чём, да к нам всё взывала, мол, люди добрые, чаво ж деется таково? Ревела, что твоя белуга. А Йемисей ей – не смущай сердец людских ложью да жалостию незаслуженной, отрекись иль прими наказание! – Дервень замолк, делая несколько глотков из кружки.

– Ну, дальше-то чаво было? – не утерпел краснолицый Хомка.

– Чаво... – увидев, что его внимательно слушают, дед успокоился. – Запер её в ейном же доме, вместе с чадом малолетним, да на двери да на окнах знаки священные начертал. И молвил нам – вот, мол, не удержится злобный дух и суток под знаками святыми, да покинет тело её, да улетит прочь! И всем строго-

настрога наказал не ходить к тому дому и даже взглядом к нему не обращаться, дабы знаки не ослабить да беду не накликают. А коли, грит, сбежит из дому ведьма, иль хоть выйдет за порог, то надобно её найти и сжечь заживо, потому как слишком сильно зло внутрях её, – троица задумчиво помолчала. – Чаво ни молви, а великодушны Боги наши, и слуги их таки же милостивые, раз даже таким греховницам второй шанс дают.

Заслушавшись, я не заметил, как прошло время, необходимое для приготовления моего ужина. Полненькая служанка, несомненно состоящая в кровном родстве с тем самым мальчиком-конюхом, принесла пинту пива, ключ на замусоленном шнурке с номером «7» и полную чашку чего-то очень приятно пахнущего и, несомненно, столь же вкусного. Я взялся за ужин, продолжая прислушиваться.

– Что-то не верится мне, – проговорил купец после долгой паузы. – Поправьте меня, коли не так, но она ж всегда набожной была. Даже когда мужа её Боги без времени к рукам прибрали, не перестала она в церкви молиться.

Услышав последнюю фразу, я напрягся. Эта история нравилась мне все меньше.

– Верится, не верится, а эвоно как выходит. Таперича всё токмо от пастыря нашего зависит. Коли сможет он завтра изгнать из неё дух ведьмовской, то будет Михана дальше жить, дитя растить. Мож, и мужика найдёт нового. А нет – сожжём её завтра, как церковь велит, и дело с концом, – угрюмо подвёл черту Дervень.

– Жалко её, – пробубнил купец. – Ведь недавно ей только тридцать годов стукнуло.

– А ты, Вун, видно, давно на неё глаз положил, – прищурился Хомка. – Чаво её жалеть, адское отродье? Иль ты ейный пособник?

– Да упасите Боги! – поспешил откреститься Вун.

Они какое-то время помолчали, а потом перескочили на тему грядущих выборов в земельную канцелярию, и я сразу потерял интерес к разговору. Обсуждение властей утомляет больше, чем день тренировок. Моя тарелка как раз опустела, и я уже было взялся за пиво, когда внимание моё привлёк новый посетитель.

В двери вошёл молодой человек лет двадцати на вид, худой, с узкими плечами и немного вытянутым красивым лицом. Внешне он не отличался от бродяги: старый выцветший плащ, толстые грубые штаны, подпоясанные верёвкой и надвинутая на глаза старая шляпа. Впрочем, самый обыкновенный нищий, но нечто в его поведении заставило меня насторожиться.

Он вошёл тихо, почти крадучись, стараясь не задеть столики и сидящих за ними посетителей, осмотрелся, молча прошагал к стойке. И остановился прямо за спиной того толстенького купца, которого я заметил, как только вошёл.

Я даже забыл о пиве, неотрывно наблюдая за этим странным парнем, и поставил магическую защиту, чтобы тот не заметил слежки. Как будто до меня кому-то было дело! Парень всё ближе придвигался к купцу, который до сих пор о чём-то толковал с трактирщиком. Воришка, что ли? Но тогда он неудачно выбрал клиента: тот стоял как на ладони у всего зала.

Усмехнувшись, я отпил из кружки, как вдруг почувствовал творимую волшбу. Кто-то в зале привёл в действие заклинание отвода глаз. Слабое, грубое, но все же! Я почувствовал его по праву сильнейшего – значит это кто-то не искушённый в магии.

Не пришлось долго гадать, кто именно попытался избавиться от лишнего внимания. Троица за соседним столиком отвернулась от стойки, продолжив трепаться, боец-неудачник равнодушно хлестал вино, и даже трое охранников отвели настороженные взгляды от вошедшего полминуты назад бродяги. От моей насмешливости не осталось и следа, а про пиво я снова забыл. Паренёк быстро оглянулся, проверяя, как действует его заклинание, и потянулся в направлении кармана купца, стоящего спиной к воришке. Но тот, как назло, в этот самый момент повернулся боком, и карман оказался вне досягаемости. Ну, что ты теперь предпримешь?

Такой поворот событий парня, как оказалось, ничуть не смутил. Он неприметно выгнул руку в хорошо знакомом мне Жесте, после чего кошель купца сам вылез из кармана и прямо по воздуху перекачывал в руки воришки, почти сразу исчезнув в складках плаща. И никто ничего не заметил. Кроме меня, разумеется.

Моё удивление нарастало подобно лавине. Нет, я не должен его упустить! Нужно обязательно узнать, кто он и что здесь делает. Люди с магическим даром

просто так по улице не ходят! Вряд ли он член какой-то организации – не думаю, что они настолько нуждаются в деньгах, что стали бы воровать, прибегая к Дару. Неужели, самородок, которого ещё не успели замести Меритари?

Я повторно применил чары для отвода глаз, но, в отличие от чар воришки, они смогли бы укрыть в этом помещении и банду дембрийских головорезов. Парень ничего не заметил – или не подал виду. Я тихо встал из-за стола и направился к выходу. Похоже, сегодня мне не придётся ночевать под крышей сего славного заведения.

Я вывел своего скакуна и притаился в темноте возле частокола, ограждающего двор корчмы. После кражи вор может и не сразу, но в короткий срок должен скрыться, или я ничего не понимаю в этой жизни.

Ночь выдалась приятная, хоть и прохладная. Чистое до блеска небо испускало на землю мерцающий свет звёзд и Нира, отливающего синевой. И ни единого дуновения. Я рассеянно подумал, что такая атмосфера очень благоприятна для медитации. Правда, немного мешали непрекращающиеся плач и вопли из того же дома, который я проезжал ранее, а сейчас стоял почти на самом его углу.

Наблюдение за воротами трактира оказалось делом нетрудным. Рядом с ними стояла на привязи тощая кобылка, хозяин которой вот-вот должен был показаться. Несколько минут ничего не происходило, потом вышел субъект с подбитым глазом, и, наконец, из дверей показался тот самый парень. Остановился в двух шагах от открытой створки ворот, огляделся. Заклинание отвода глаз всё ещё действовало, так что он вряд ли увидел что-то кроме темноты. Незнакомец скинул шляпу и я понял, что в нём было не так.

Это был вовсе не он, а она. Девушка! Девчонка лет восемнадцати со стянутыми в узел недлинными волосами, до этого прекрасно скрытыми шляпой.

Однако, новость! Три четверти владеющих Даром – мужчины. Так ЧТО делает девушка с магическим Даром здесь, в этом захолустье?

Воровка прыгнула на свою кобылку и пустила её рысью по дороге в сторону Кериста.

Ох, да нам ещё и по пути.

Я уже собирался тронуться следом, как вдруг за моей спиной раздался скрип открывающейся двери. Улицу тут же огласили женские всхлипы. Я обернулся на звук.

Из домика, находящегося за моей спиной, нетвёрдой походкой вышел лысый человек в рясе, постоял немного, покачиваясь, а затем, даже не закрыв за собой дверь, направился в мою сторону. Почти сразу в дверном проёме показалась фигурка молодой женщины, одной рукой поддерживающая разорванное платье, а другой схватившаяся за ручку. Свет, сочащийся из дома, осветил побои на её руках и лице. Сотрясаясь от судорожных всхлипов, она захлопнула дверь.

Я уже говорил об обретённом мной хладнокровии? Так вот, в тот раз оно напрочь отказало.

Я опомнился, когда одетый в рясу негодяй лежал с разбитым лицом без сознания, прямо у меня под ногами. Оказалось, он вовсе не стар: на вид я не дал бы ему больше сорока, борода и волосы куда-то исчезли, но по носу я опознал его – это несомненно был местный священник. Или тот, кто им притворялся.

Чувство было такое, словно я протянул руку для рукопожатия, но вместо этого вляпался в огромную кучу дерьма. Интересно, кто-нибудь из местных знает правду о своём заступнике перед Богами? А ведь деревня спит спокойно, думая, что зло – это женщина, которая бок о бок прожила с ними всю жизнь.

Бросив ещё один взгляд на «милостивого слугу Богов», я сплюнул и вернулся в седло. Ублюдок даже не понял, что произошло. Будет любопытно, если селяне найдут его в таком виде... Но нет, ему всё сойдёт с рук. Удобно устроился, ничего не скажешь. Пожалуй, я разобрался бы с этим человеком, просто удовольствия ради, если бы не спешил так на другую, более важную встречу.

Я воткнул пятки в бока коня. Надо поскорее нагнать странную девчонку и задать ей пару вопросов.

* * *

Она не торопясь ехала по ночной дороге, на ходу пересчитывая выручку. Десять, двадцать, пятьдесят... восемьдесят сентинов серебром и ещё четыре медью. Итого, за весь день, полторы сотни. Недурно. Но бывало и получше.

Монетки звякнули, пересыпаясь во внутренний карман. На правой обочине дороги мелькнуло приметное раздвоенное дерево, за которым начиналась тропинка в лес. Девушка плотнее запахнулась в плащ и дёрнула уздечку, сворачивая с дороги.

Деревья, точно жалкие нищенки, тянули свои облезлые руки-ветви к тропе; пришлось спешиться и вести лошадь в поводу. Под ногами тут же привычно зашуршала прошлогодняя листва, и молодая путница вдруг с досадой подумала, что, должно быть, никогда не сможет отделаться от ощущения, что улица – её настоящий дом.

Да, сейчас она уже обзавелась крышей над головой. Под этой крышей, пусть маленькой и не совсем целой, имелась тёплая печь, еда и чистая одежда. Были у неё и деньги. Много денег. Давние знакомые, воры и уличные попрошайки, лопнули бы от зависти. Но всё это оставалось зыбким, как мираж, не вызывало доверия – наподобие того, как нет доверия человеку, однажды уже предавшему. Деньги так легко меняют хозяев; как можно ставить их во главу угла? Вроде бы своё, но в то же время – чужое.

Воспоминания о светлой, безбедной жизни с отцом давно поблекли и затёрлись. Она давно смирилась с тем, что не может вспомнить даже лица родителя – так, светлое пятно с расплывчатой тенью улыбки. На место пропитанных счастьем и беззаботностью картин пришли другие, холодные, серые: бездушные дома со светящимися глазами окон, пропитые рожи грузчиков портового района, боль и голод, голод, голод... Со временем холод стал казаться неотъемлемой частью жизни, воровство и обман вошли в привычку, а грязь либрийских городов въелась в память так, как въедается угольная пыль в кожу старателей. Девушка испытывала облегчение и отвращение к самой себе одновременно: первое – потому что жить стало проще; второе – потому что стыдно наслаждаться таким существованием.

Кобылка всхрапнула, выведя хозяйку из задумчивости. Только благодаря этому воровка поняла: что-то не так. Животное явно беспокоилось, дёргало уздечку, и вскоре эта тревога передалась девушке. Она остановилась, напряжённо вглядываясь в темноту.

Сердце затрепыхалось; чутьё настойчиво ныло: впереди кто-то есть! Девушка привыкла полагаться на интуицию, которая выручала её из беды чаще, чем что бы то ни было. Но сейчас она шла по отлично знакомому пути, так неужели кто-то добрался до её убежища? А что если это Меритари?

Мысль ужаснула и тут же рассеялась. После памятного побега из Лотора воровка сделалась намного осторожнее. Она не оставляла следов. Может, просто показалось?

Девушка осторожно двинулась дальше, прислушиваясь, но лес предательски молчал, будто не желая выдавать притаившуюся в нем опасность. Тусклый свет Нира почти не давал обзора.

В ушах застучала кровь, ладони взмокли. «Да что же это такое?» – попробовала она прикрикнуть на себя, но это не помогло. Страх сковывал движения: ноги словно стремились пустить корни, трясущиеся руки плохо повиновались.

Лошадь вдруг испуганно заржала, вырвала поводья из ослабевших рук хозяйки и, не разбирая дороги, ускакала прочь. Воровка даже не сделала попытки её удержать – она изо всех сил боролась с навалившимся оцепенением. Она даже не спросила себя, чего так боится – панический страх парализовал мысли. И когда глаза уже готовы были от напряжения выйти из орбит, а в горле встал комок, не дающий толком вдохнуть, прямо перед ней зажглись два ярко-жёлтых глаза с красными точками зрачков.

Не хватило сил даже закричать. Девушка открыла рот, но не смогла выдавить из себя ни звука. Она бы побежала, но ноги не отрывались от земли – словно мышцы стали костями. Оставалось лишь смотреть в гипнотические глаза хищника и умирать с каждым уходящим мгновением.

Борьба уже стала казаться бессмысленной, когда она услышала за своей спиной тихий голос:

– Замри и не двигайся.

– Замри и не двигайся, – повторил я девчонке, которая и без того, похоже, не могла пошевелиться от страха. Её угораздило встретиться с волколаком – что само по себе большая редкость. Я медленно подкрадывался к бедняге, параллельно вспоминая всё, что знаю об этих тварях.

– Прыгай назад, когда скажу, – сказал я, хотя не был уверен, что девчонка меня слышит.

Волколаки – это мутанты, вышедшие из волков. Вопреки ходящим в народе мифам, с человеком они имеют мало общего – разве что умение ходить на двух ногах да более развитый ум. Но это уже и не волк. Главное при встрече с волколаком – находиться рядом с ним как можно меньше, потому что яд, испаряющийся с кожи мутанта, попадает в лёгкие и быстро парализует всё тело. Вместе с тем он вызывает видения, да такие, что некоторые жертвы, которых удалось спасти от смерти, попросту сошли с ума.

Но девчонка, похоже, ещё держалась – скорее всего, за счёт Дара. Даже я, стоя на почти безопасном расстоянии, заметил, как отяжелели руки и помутнело в голове.

Оборотень понял, что вмешался кто-то третий, и тихо зарычал. Он вовсе не собирался расставаться с уже загнанным ужином. Мой меч с тихим шелестом покинул ножны.

Мутант громко рыкнул, и я почувствовал толчок моментально сплетённого заклинания – но сплёл его точно не хищник. Это девчонка, не дожидаясь моего сигнала, решила на рывок.

Она прыгнула, и хищник прыгнул за ней. Я едва успел выпустить меч. Заклинание, судя по всему, усиливало прыжок девчонки в несколько раз, потому как те три сажени, что нас разделяли, она покрыла бы с лихвой, не ухвати я её на лету за талию. Меня развернуло; свободной рукой, уже в падении, я отправил навстречу зверю соткавшийся прямо из воздуха клубок энергии.

Тусклый свет заклинания выхватил из тьмы клыкастую пасть и вязкие нити ядовитой слюны, протянувшиеся от верхней челюсти мутанта к нижней – но

только на миг. Плетение тут же натолкнулось на препятствие и взорвалось; от вспышки перед глазами поплыли цветные пятна. Промаяхнись я хоть немного, и отбиваться стало бы нечем – волколаку хватило бы пары секунд, чтобы оторвать мне руку.

Визжащая обгоревшая туша рухнула на землю, не долетев до нас всего пару шагов.

Воровка потеряла сознание ещё в полёте, так что первым делом я проверил её дыхание и наложил согревающее заклинание. Убедившись, что жизнь незнакомки вне опасности, я подошёл к вонючей туше волколака, конвульсивно подёргивающей конечностями. Заклинание искалечило мутанта, шерсть свернулась и отвратно дымила, но он был ещё жив. По закону всемирного свинства эти твари награждены невероятной живучестью, и убить их наверняка можно лишь отрубив голову. Этот, конечно, почти обездвижен, но, если его оставить на денёк полежать, очухается и убежит зализывать раны. Гад уже сейчас щёлкал челюстями, норовя ухватить меня за ногу.

– Добегался, – сказал я чудищу и вернулся за оброненным мечом. Выродок заскулил, понимая, что его голова вот-вот отделится от тулова. Подумать только – некоторые учёные мужи говорят, что волколаки достаточно умны, чтобы воспринимать человеческую речь. Мне было неинтересно, правда ли это, так что мутант не прожил ни одного лишнего мгновения.

Трактаты не врал – его кровь и впрямь оказалась густой, как смола.

Я вернулся к спасённой девчонке. Засветив магический огонёк, присмотрелся к лицу. Всё ещё без сознания, но бледность уже уступает румянцу. Скоро начнёт обильно потеть – так тело выведет яд, которого девица успела наглотаться. Пожалуй, сегодня она потратила годовой запас везения, не меньше. Наткнуться на мутанта и тут же на меня – это же ещё невероятнее, чем сбить муху плевком. Девчонка, конечно, истощена, но ведь выжила!

Кстати, а внешне она ничего. Утончённые черты, красивый прямой нос, по-детски пухлые губки, длинные ресницы. Как она оказалась в этом захолустье? Бездомная с Даром, нищенка с лицом аристократки. Крайне интересная барышня.

Конь, привязанный на безопасном расстоянии, фыркал и тревожно переминался с ноги на ногу. Пришлось расседлать его, чтобы уложить верхом девчонку. Я сомкнул её руки вокруг шеи скакуна и прихватил их верёвкой, чтобы не свалилась, а сам закинул седло за спину и двинулся дальше по тропе.

Лишние глаза и уши мне в этой истории не нужны, так что ехать назад, к корчме, не стоит. Пока девчонка не придёт в себя и не ответит на мои вопросы, лучше её в люди не выводить. Она точно не случайно свернула на эту тропку: наверное, впереди находится какое-то жильё или хотя бы шалаш. Мне такой вариант вполне подходит – по крайней мере, до завтра.

Я посмотрел на девчонку сквозь Эфир. Аура плотная, но Дар еле теплится, застряв в стадии зародыша. Скорее всего, ещё не поздно его развить. При должном старании из этой воровки выйдет толк. Пожалуй, она даже сможет дорасти до моей нынешней силы. И откуда только взялась?

Я вздохнул, поправил ворот рубахи, оглянулся. Успокоившийся скакун устало покачивал головой в такт шагам, а к шее его прильнула русоволосая незнакомка. Благодаря ей, хоть и по непонятной причине, я уже сгорал от нетерпения перед завтрашним днём – и это было чертовски приятное ощущение.

* * *

Она очнулась, лёжа на чём-то мягком. Привычно пахло сыростью и смолой – прямо как дома...

Вместе с этой мыслью в неё ворвалась боль. В голове будто непрерывно били барабаны. Тело горело и липло к одежде, во рту всё склеилось от высохшей слюны. От чего же так плохо? словно худшее в жизни похмелье... В памяти замелькали образы: лес, ночь, хищник, сковывающий страх, – и девушка тихо застонала, желая поскорее вернуться в беспамятство.

– Очнулась? – прозвучал рядом знакомый голос.

От неожиданности она тут же распахнула глаза и приподнялась на локтях, прикрываясь одеялом, которым её так заботливо укрыли. Каждое движение давалось с трудом.

– Не бойся. Я не кусаюсь.

Он сидел на углу кровати, прямо у её ног. Не молодой, но и не старый, не красавец, но в то же время приятный и даже привлекательный. Тёмные волосы с молнией седины, уходящей ото лба за правое ухо. Двухдневная щетина, благодаря которой проявлялся тонкий шрам на подбородке. Руки, как у заядлого работника, мозолистые, с узловатыми пальцами, скрещены на груди. И тёмно-карие глаза, в чьём взгляде насмешливость отлично сочеталась с серьёзностью, пронизывали девушку насквозь.

– А я – очень даже, – выпалила она от неожиданности. – Так что лучше не трогай!

В её голосе явно не хватало уверенности, и незнакомец пропустил эту браваду мимо ушей. Он вообще не шелохнулся – и продолжал смотреть ей прямо в глаза. Девушка вдруг почувствовала себя кроликом, который не в силах пошевелиться под гипнотическим взглядом змеи.

Сомнений нет – это тот самый человек, что спас её в лесу. Она присмотрелась к нему, и что-то внутри истошно завопило: «Чародей!» Девушка ещё сильнее вжалась в подушку. Он не скрыл свой Дар, хотя мог сделать это с лёгкостью. Ждёт реакции? Запугивает? Но на вид он вроде не грозный, скорее наоборот – дружелюбный. Так может?.. Нет, нет, это чародей, а значит замышляет какую-нибудь гадость. Добрые волшебники бывают только в сказках! Нужно бежать, под любым предлогом, как можно быстрее и как можно дальше!..

Неизвестно, куда бы завели девушку эти панические мысли, если бы незнакомец вдруг не улыбнулся и не спросил расслабленно:

– Как самочувствие?

И натянувшаяся внутри струна тут же ослабла.

– Голова болит, – ответила девушка несколько ошарашенно.

– Ещё бы! – с неподдельным удивлением воскликнул чародей. – Обычный человек не выстоял бы против волколака и нескольких секунд, а ты жива-здорова. Мою заслугу в этом, конечно, тоже умалять не стоит, но ты всё равно молодец. Если позволишь, я помогу снять боль.

Он протянул руку к её лицу. Она отпрянула. Незнакомец медленно отодвинулся на прежнее расстояние.

– Но ты, видимо, не позволишь.

– Не привыкла доверять всем подряд, – холодно проговорила девушка и бегло осмотрелась.

Если не считать постороннего мужчины на её кровати, дома всё было как обычно.

– Даже тем, кто спас твою шкуру? – чародей вскинул бровь. – Осмотрись повнимательнее. Думается мне, главного ты так и не заметила. Например, что лежишь в своей кровати, накрыта одеялом, и одежда на тебе нетронута. А ведь могла бы вместо этого плавно перевариваться в утробе мутанта...

От этих слов вчерашние события вновь воскресли в памяти, и девушку передёрнуло.

– Всё, хватит, – сказала она, поморщившись. – Я поняла. Ждёшь благодарностей?

– Давай я тебе помогу, – намного тише и спокойнее сказал незнакомец.

Он снова подался вперёд; она больше не сопротивлялась. Прохладные пальцы едва коснулись лба, но девушка вдруг испытала такое облегчение, что невольно подалась навстречу прикосновению. Боль отступила, и мысли немного прояснились.

– Не так уж страшно, правда?

В ответ она лишь вздохнула и, чуть помолчав, спросила:

– Что тебе от меня нужно?

– Мне от тебя? – не растерялся мужчина. – Уж скорее тебе от меня.

Настала её очередь выгнуть бровь:

– Ты спас меня, чтобы предложить свои услуги?

– Нет, спас я тебя, потому что весь из себя добрый, и не могу бросить человека в смертельной опасности. Так уж совпало, что я оказался рядом.

– О, так мне надо благодарить не тебя, а судьбу? – ехидность в её голосе перешла в издевательство.

– Почему бы и нет, – мужчина пожал плечами. – Если ты, конечно, в неё веришь.

– Не верю.

Незнакомец развёл руками – мол, не стоило тогда и упоминать, раз не веришь.

Они замолчали, сверля друг друга взглядами. Девушка ждала продолжения, надеясь, что ей не придётся повторять свой первый вопрос. Почему-то ей казалось, что диалог складывается не в её пользу.

Чародей словно почувствовал настроение собеседницы. Морщинки в углах его глаз стали глубже, а в голос проскользнули нотки искреннего веселья:

– Станный у нас получается разговор. Ладно, давай начистоту. В лесу я оказался не так уж и случайно.

– Следил за мной?

– От трактира. Люблю всякие интересные фокусы, знаешь ли. Особенно мне понравился номер с летающим кошельком. Я много видел разных воришек, но чтобы вот так, у всех на виду это сделать – нужен талант. Я бы даже сказал – Дар.

Девушка бессознательно втянула голову в плечи. Разумеется, он раскусил её, как только увидел, по праву сильного. А ведь она так надеялась, что этой темы касаться не придётся...

– Кто ты? – спросила она, поняв, что крыть больше нечем.

– Зависит от того, что ты хочешь услышать, – ответил незнакомец неожиданно серьёзно. – Я тот, кто благодаря своему Дару видит твой. Но вместе с тем я так же как ты скрываю его от посторонних. И поэтому я не закрылся от тебя – потому что ты всё равно никому не расскажешь.

– Да? Но я ни от кого не прячусь.

Она и сама не верила, что собеседник поверит в столь очевидную ложь.

– Тем, кто не прячется, не нужно использовать Дар для воровства, – мягко улыбнулся чародей, но от бархатности его голоса девушку пробрала дрожь. – Они припеваючи живут в столице, в роскошной башне Меритари, а не в заброшенных охотничьих домиках на окраине королевства. Давай не будем врать друг другу, и ты увидишь, как быстро мы достигнем взаимопонимания.

– Как скажешь, – сказала она, пожав плечами. – Давай оба поклянёмся не врать и сразу станем лучшими друзьями.

Незнакомец рассмеялся. Легко, расслабленно, будто и в самом деле говорил с другом.

– Ты права. Пора уже переходить к делу. Но для начала нам нужно как-то называть друг друга. Меня можешь звать Энормис.

– Лина.

– Отлично, Лина. Как ты уже поняла, я не имею отношения к тем, кто тебя ищет. Меритари, я прав?

– Предположим.

– Тогда предположим ещё кое-что. Слышала о чародее из Квисленда?

– Который квислендский изгой? – припомнила Лина.

Она и в самом деле слышала много интересного об этом чародее. Если верить слухам, он настолько силен, что даже Красному Ордену приходится с ним считаться. Однако вживую этого изгоя никто не видел – так что вопрос ещё, существует ли он на самом деле.

– Именно. Я его ученик.

Лина фыркнула.

– Не веришь?

– Да даже если так, то что с того?

Девушка давно привыкла обходить любых чародеев за тридевять земель. Чему-чему, а этому жизнь её научила. Видишь колдуна – жди неприятностей. А если колдун тебя видит – считай, они уже начались.

И снова Энормис понял недосказанное – будто в мысли заглянул.

– Чем же тебе так насолили маги? – он встал и прислонился спиной к стене. – Ведь у тебя самой есть Дар.

– Я его не просила, – огрызнулась Лина.

– Никто не просил. Я не просил. Большинство меритаритов его не просили. Он просто есть, хочешь или нет. И это не так уж плохо...

Чародей не успел договорить. Сам того не зная – или зная? – он ударил в самое болезненное место. Девушка взъярилась, вскочила, но ноги подвели – слабость заставила снова сесть на кровать. Разозлившись от этого ещё больше, она ударила по топчану кулаком и выкрикнула:

– Да неужели?! Это из-за него я оказалась на улице! Из-за него я ворую, собираюсь и сплю с клопами! Эти «одарённые», – слово прозвучало как последнее ругательство, – пронюхали о моём Даре, хотели сделать такой же! Убийцы, которых они послали, убили папу, дом сожгли! Я сама там чуть не сгорела! Не так уж плохо, говоришь?! Да забирай его тогда, отдам с удовольствием!

Энормис перестал улыбаться. В его глазах Лина прочла сочувствие – и тут же подумала, что если он произнесёт хоть слово, она его ударит. Плевать, что будет потом, пусть хоть кожу живьём сдирает, зато она оставит отметину на его чародейской роже...

Но он молчал. Во взгляде ни злости, ни волнения – только участие и какая-то потаённая грусть. Он будто вспомнил, что сам когда-то пережил нечто подобное, но боялся показать, что всё прекрасно понимает.

Лина больше не могла смотреть чародею в глаза – потому что хотелось злиться на него, но не получалось. Будь проклят этот понимающий взгляд... Она опустила голову, сгорбилась. Мало того, что не сдержалась перед посторонним, так теперь ещё и предательские слёзы к глазам подступают. Ну нет, реветь она не будет.

– Не нужен мне этот Дар, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – С голоду не помереть помогает, но и без него бы прожила.

– Его нельзя отнять, не отняв жизни, – сказал Энормис тихо. – Но его можно заблокировать.

* * *

Лина смотрела на меня во все глаза, явно ожидая продолжения. Похоже мне наконец удалось завладеть её вниманием.

– То есть? Что это значит?

Я задумчиво почесал переносицу. То, что она услышит дальше, ей не понравится.

– Закупорить. Как бутылку. Ты не сможешь им пользоваться, обнаружить его можно будет только специальным заклинанием. Только учти, что...

– Ты можешь это сделать? – вклинилась девчонка.

– ... всех проблем это не решит, – с нажимом договорил я. – Нет, я не могу. Для этого надо немного больше сил, чем есть у меня.

– Насколько больше?

– Раз в сто.

Во взгляд Лины вернулось отчаяние.

– А ещё для этого нужно очень много знаний и умений. Дисс может заблокировать твой Дар, но, подчёркиваю, такие операции вредны для здоровья.

– Дисс – это и есть твой квислендский чародей?

– Да. Меритари ему в подмётки не годятся. Без шуток.

– А почему вредны?

Я вздохнул.

– Дар – штука серьёзная. Он как второе сердце. Пока это сердце бьётся, у тебя всё хорошо. Когда плохо твоему Дару – тебе тоже плохо. Если его не развивать, он начинает разрушать тело носителя. Если ты не можешь управлять своим Даром, то Дар управляет тобой. Если он достаточно развит, то будет влиять на тебя даже в закупоренном состоянии. Со временем из-за этого может отказаться тело, а может – разум. Так что...

Я с сожалением развёл руками. Лина разочарованно отвернулась – надежда на «выздоровление», которую я ей дал, тут же улетучилась. Как бы объяснить ей, что её Дар не имеет отношения к её проблемам?

– Раз ты не можешь мне помочь, – сказала она, – то зачем весь этот разговор? Зачем ты меня спас вообще?

– Да хотел предложить решение твоих проблем с пропитанием, – я прошёлся взглядом по прохудившемуся потолку, – и со всем остальным. Дисс не прочь обзавестись ещё одной ученицей. Но если тебе так хочется, может и закупорить твой Дар.

Лина снова фыркнула. На этот раз немного обречённо.

– Что, вот так просто? С порога – и сразу в ученицы?

– Не удивляйся. Люди с магическими задатками на дороге не валяются. Ты ненавидишь Меритари – так Дисс их тоже не жалует. Враг моего врага, и всё такое. Я восемь лет у него в учениках. Сыт, одет, с нормальной крышей над головой, жаловаться не на что. Разве что скучно временами.

Лина отрешённо смотрела в одну точку, и я впервые за весь разговор даже представить не мог, о чём она думает. А ведь как раз сейчас решается самое интересное. Разумеется, Дисс даже не заикался о желании обзавестись ещё одной спиногрызкой – ему это даром было не нужно. Просто мне вдруг подумалось, что быть единственным учеником – как-то грустно. Да и не бросать же девчонку на произвол судьбы. Сделать её ученицей – вот самый правильный выход, совмещение приятного с полезным! Да, Дисс, скорее всего, имеет на этот счёт несколько иное мнение, но в его благоразумии я не сомневался.

– Не знаю... – протянула Лина. – Ты же всё равно просто так меня не отпустишь?

– Да моё дело предложить, – усмехнулся я. – Если хочешь дальше воровать и голодать, то хозяин – барин. Я даю тебе шанс что-то в жизни изменить, а пользоваться им или нет, решать тебе.

Уверенности в глазах Лины не прибавилось.

– Давай так, – сказал я, видя, что решение даётся ей слишком тяжело. – Сейчас я еду в Керист, навестить одного приятеля, а потом возвращаюсь в Квисленд. Можешь поехать со мной и обдумать всё по дороге. Договорились?

Девчонка вдруг пристально посмотрела мне в глаза – словно в последний раз пыталась разглядеть подвох, уличить меня во лжи. Но я не лгал. Наверное, эта обезоруживающая честность и склонила чашу весов на мою сторону.

Лина помолчала, переводя взгляд с одного моего глаза на другой, и кивнула.

* * *

До Кериста было рукой подать – пару часов неспешной езды. По прямой и того меньше, но короткой дороги через местные леса я не знал. Солнце взошло не больше трёх часов назад, так что по моим расчётам мы должны были прибыть на место около полудня. Кобылка Лины, оголтело пронёсшаяся мимо меня ночью, не вернулась, так что моему скакуну предстояло везти нас обоих.

Я как раз седлал его, когда девчонка наконец вышла из своей лачуги. На ней была чистая одежда, не самая новая, но придающая Лине чуть больше женственности, чем прежняя. Управляясь с упряжью, я краем глаза заметил, что воровка странно поглядывает на дом, и решил спросить:

– Долго ты здесь прожила?

– С начала зимы, – девчонка поёжилась и плотнее запахнула плащ. Утро и впрямь было морозным.

– Рискованно, – я затянул подпругу. – В такой чаще нередко заводится какая-нибудь мерзость. Вроде вчерашнего волколака.

– В городах ещё рискованнее. У магигов повсюду шпионы.

– Ну, Меритари вряд ли будут пытаться тебя сожрать, – мягко возразил я. – А химера или отродье – запросто.

– А ты что, чистильщик? – Лина покосилась на меня с недоверием.

– Время от времени. Но вообще я разбираюсь во всём понемногу. Например, могу сказать, что Орден – организация большая, авторитетная, и им не нужно рыскать по всему свету в поисках новых адептов. Люди сами к ним приходят, потому что Меритари богаты и влиятельны. Охотятся они только на тех, кто им мешает.

– Как скажешь.

Я запрыгнул в седло и помог забраться девчонке. Пришлось посадить её поженски перед собой. Лина была не самого низкого роста, но рядом со мной казалась сущим ребёнком – едва доставала макушкой до моего подбородка.

– Сколько ты уже от них скрываешься?

Девчонка помолчала, прежде чем ответить.

– Почти восемь лет.

Я удивлённо присвистнул.

– И ни разу не попалась?

– Я была очень осторожна.

А ведь она действительно верит, что за ней охотятся самые могущественные маги Нириона. Переубедить её, пожалуй, будет не так-то просто. И всё же я мог представить только одну причину, по которой Меритари за восемь лет не поймали простую девчонку, пусть и хитрую. Они просто не искали. Что бы ни случилось с Линой в детстве, это вряд ли связано с её Даром. Она винит Орден просто потому что нужно кого-то винить. А может она винит саму себя.

Мы выехали на Окраинный тракт и направились в сторону Кериста. Эта дорога называлась так, потому что пролежала вдоль границы Либрии с Прибрежьем и проходила через все приграничные города. Самим рубежом здесь была Виера –

судоходная река, такая широкая, что на сотню вёрст в обе стороны на ней не строили мостов. Грузы в Прибрежье сплавляли по ней, но в обратную сторону пользовались Окраинным трактом – чтобы не грести против течения.

Один из торговых караванов шёл как раз перед нами. Я нагнал его и, держась поодаль, пристроился в хвост. За нагруженными под завязку телегами тянулся шлейф самых разных запахов, как приятных, так и не очень. Ярче всех ощущались терпкий аромат назирских специй и резкая вонь медицинского раствора.

– Твой приятель тоже чародей? – вдруг спросила Лина.

Я усмехнулся.

– Алонсо? Нет, он обычный торговец, родом из Кан-Терна. Несколько лет назад я спас его кошелёк в одной керистской подворотне.

– И поэтому вы друзья?

– Нет. Друзья мы потому что он знает, что такое благодарность.

Девчонка фыркнула.

– Редкое качество.

– Именно.

Лина обернулась и странно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Солнце поднималось всё выше, и утренний холод постепенно отступил. Лучи, бьющие прямо в лицо, ощутимо согревали кожу, а вскоре тепло забралось и под одежду. Я с наслаждением потянулся и тотчас увидел шпиль керистской колокольни, выглянувший из-за верхушек деревьев.

Пейзажи здесь, в приграничье, довольно таки однообразные: обычные леса чередовались со столь же обычными полями, лишь изредка тракт перегибался мостом через мелкие притоки Виеры или дугой огибал небольшое озерцо. На

берегу одного из таких озёр и вырос Керист. Городок жил за счёт торговли, так что около трети населения приходилось на различных купцов и ремесленников, заполнивших и без того тесные улочки своими лавками и магазинами. Здесь же проводилось множество ярмарок и праздников, часто выступали бродячие цирки, менестрели и прочие мастера развлечений; благодаря этому провинциальный Керист бурлил жизнью не хуже, чем иная столица.

Мы приближались к западному въезду. Город был обнесён невысокой деревянной стеной, и перед ней имелось большое открытое пространство, на котором обычно устраивали гонки на лошадях. Их проводили только летом, после праздника Цветущих Яблонь, так что сейчас перед главной трибуной сооружали подмости для артистов. Сами циркачи как раз готовились к выступлению: на свободной полянке разминалась пара акробатов, метательница ножей с завязанными глазами уничтожала ближайшее дерево, мечник, тщательно примериваясь, рубил клинком средней толщины брёвна.

При виде последнего я лишь усмехнулся, но Лина... Она смотрела на артистов, как на воплотившихся героев сказок. Глаза округлились, шея вытянулась, даже рот немного приоткрылся, придавая лицу потешное выражение. Я посмотрел на неё и вдруг понял, что где-то внутри циничной недоверчивой воровки, почти всю сознательную жизнь прожившей на улице, всё же сохранился наивный ребёнок, который верит в маленькие чудеса. И уж не знаю почему, меня это открытие обрадовало и огорчило одновременно.

Чтобы не толкаться в очереди, я обогнал караван и первым подъехал к воротам. На посту оказалось только два стражника, или, вернее, полтора: один сидел на чурке, подпирающей створку, и спал, свесив голову на грудь. Я немного ему завидовал – солнышко так пригревало, что вздремнуть было святым делом. Второй, явно не совсем трезвый, окинул нас мутным взглядом и вымолвил заветную формулу:

– Серебряк с человека, крупная скотина по два за голову, лошади бесплатно!

– Похоже, что у нас есть крупная скотина? – я сунул обозначенную сумму в грязную ладонь привратника.

– Откуда ж мне знать, вдруг то ваш караван! – пробурчал страж и отошёл в сторону, освобождая дорогу.

А за воротами раскинулся Керист. Площадь перед воротами была одной из самых просторных в городе, который славился именно своими тесными улочками. В рынке как месте для торговли надобность отпадала вообще: торговали на каждом углу и такими разнообразными товарами, что глаза разбегались. Правда, меня всегда немного напрягал здешний гвалт.

– Вино с лучших виноградников Прибрежья, спешите, товар расходуется буквально на лету!

– Хлопок и шёлк из самого Аль-Назира, подходите, выбирайте, покупайте!

– Соления, варения, закваски!

– Шкуры и жир северного зверя! Прибыли прямиком из Нейрата!

– Мёд, сивуха, самогон! Налетай, мужики!

– Услуги дантиста! Очень дёшево!

– Пира-а-аги-и-и!!!

Мы с Линой проехали главную площадь, пестревшую разномастными вывесками, и направились к улице Ремесленников. Здесь я наконец признал битву с разошедшимся солнцем проигранной и снял куртку, а Лина скинула плащ, оставшись в одной мешковато сидевшей на ней темной рубашке. Улицы в этой части города были сильно запружены народом, так что ради экономии времени пришлось свернуть в переулок. Правда, передвигаться тут можно было только пешком – поперёк улочки народ натянул бельевые верёвки.

Мне всегда нравился этот город. Не то, чтобы он был велик или красив, нет – народу здесь шаталось до неприличия много, но и только. Просто в Керисте даже окраинные улочки не выглядели, как трущобы, дороги исправно латались, и вероятность свалиться в яму с нечистотами, замаскировавшуюся под обычную лужу, была крайне низка. Да и домики радовали глаз: аккуратные, чистые, похожие один на другой, и в то же время очень разные. Их острые крыши, покрытые тёмно-красной черепицей, напоминали устремлённые в небо наконечники копий.

Всё же для города близость мирной границы – крайне выгодное обстоятельство. Огромное количество товаров, проходящих через него, обеспечивали горожан в любое время года, а о золоте, оседающем в карманах местных властей в виде переплат за контрабандный товар и завышенных пошлин, и говорить не стоит. При таких деньгах можно и на городские службы разориться.

В местах, где сходились две, а то и больше улиц, располагались фонтаны или статуи. Их выполняли в виде пар грехов и добродетелей. Так, например, мы прошли мимо каменного изваяния двух людей: один, хорошо одетый и ухоженный, поддерживает под руку и протягивает несколько крупных монет другому, плохо стоящему на ногах, в ободранной одежде и совершенно без обуви. Изображены здесь, конечно, зажиточный гражданин и пьяница, образы щедроты и расточительства. Помещать такие статуи на улицах торговых городов стали с тех пор, как в купеческую гильдию Либрии просочились предприимчивые люди из Кан-Терна. Многие их традиции и верования мне как зайцу – царский герб, но эти скульптуры выглядели однозначно лучше мусорных куч, которые скапливались здесь раньше.

Атмосфера бурлящего города поднимала настроение и заставляла внимательно следить за своими карманами. Люди сновали по улицам с удивительной ловкостью и быстротой; из окон слышались ругань, смех, пьяные песни; под ногами всюду лезли неугомонные ребятишки, которых, как всегда, привлекал мой рост. Я не любил выделяться из толпы, поэтому давно привык чуть сутулиться, чуть горбиться, и всеми силами старался вести себя неприметно. К сожалению, удавалось это далеко не всегда.

Мы вышли с улицы Ремесленников и направились в южную часть города, попутно избегая настырных лавочников и глаза по сторонам. То тут, то там мелькали тощие типы со смазанными лицами – представители не совсем законных, но самых прибыльных профессий. Матёрые щипачи натаскивали молодняк тягать кошельки и смешиваться с толпой, что в такой толчее было вовсе не трудно. Здоровенный громила, угрюмо оглядывающийся по сторонам, почуял, что я на него смотрю, повернулся и невинно осклабился, обнажив крупную дыру в сплошном ряду серебряных зубов.

– Какой приветливый парень, – заметила Лина, тоже увидевшая эту лучезарную улыбку.

– Не обманывайся, – сказал я тихо. – Он из гильдии убийц.

– Спасибо, что пояснил, – ехидно отозвалась девчонка. – Я всяко дольше тебя знакома с городскими улицами. Научилась отличать волка от овцы.

Спустя какое-то время мы наконец вышли к нужному дому. Поначалу я подумал, что ошибся улицей, но, присмотревшись, понял, что память меня не подвела. Просто Алонсо сделал очередную пристройку к дому, сменил отделку и перекрасил всё в малиновый цвет. Теперь его хоромы на фоне остальных домов выглядели как сказочный дворец.

– Пришли, – сказал я, внутренне посмеиваясь над страстью приятеля.

Лина смотрела на дом со смесью удивления и непонимания. Да, тягу к экстравагантности Алонсо могла пересилить только его тяга к деньгам.

Привязав коня во дворе, я постучал в разузоренную малиновую дверь. Некоторое время за дверью висела тишина, а потом раздался знакомый ворчливый голос:

– Кого там опять Лукавый принёс? Я сегодня занят! Да не заперто, хватит уже стучать!!!

Сколько его знаю, он всегда занят, но каждый раз, как прихожу, застаю его бездельничающим или орущим на прислугу. Лишь один раз за четыре года он оказался в отъезде.

Мы вошли. В комнате свободно стояла мебель из недорогого дерева, вырезанная в строгом гномском стиле. Стены комнаты окрашены в тот же малиновый цвет, правда, это почти не заметно из-за висящих на них картин. У всех богатых торговцев в королевстве принято коллекционировать всевозможные портреты правителей Либрии, как давно умерших, так и правящего в данный момент. Чем полнее эта коллекция, тем более уважаем её обладатель. Алонсо говорил, что ему безразличны эти соревнования, однако это не помешало ему собрать самую полную коллекцию в городе. Мой приятель относился к категории людей, болезненно зависимых от мнения посторонних и различных веяний моды, но вслух он ни за что бы в этом не признался. Вот сейчас я спросил бы его: «Зачем тебе новая пристройка, Алонсо? Зачем малиновый цвет?» А он так равнодушно пожал бы плечами, мол: «Да вот, подумал, маловата моя обеденная...», хотя на самом деле он просто не смог смириться с тем, что сосед построил во дворе

фонтан, сделал перепланировку и теперь водит в свой особняк экскурсии, а дом Алонсо на его фоне смотрится невзрачной избушкой.

Сейчас же мой приятель сидел за конторкой и что-то напряжённо подсчитывал. Серьёзность, с которой он щёлкал счётами и вносил записи в учётную книгу, говорила о том, что от результатов этих вычислений зависит по меньшей мере судьба мира. Но стоило ему поднять взгляд и увидеть меня, как все до единой морщины на его лице разгладились.

– Эн, дружище! – Алонсо встал и направился ко мне. – Как у тебя дела? Давненько ты меня не наве... Ой! Кто это с тобой?

Алонсо, наконец, заметил стоящую позади меня Лину и сейчас с удивлением её разглядывал.

– Привет, мой златоглавый друг! – начал я с обычного для нас приветствия. – Это Лина, у нас есть кое-какие дела в Квисленде. Рад тебя видеть! – я хлопнул приятеля по плечу, но тот, похоже, этого не заметил.

Он разглядывал Лину, как баран – новые ворота, даже не моргая. Девчонка сначала молча терпела, но, не выдержав столь пристального внимания, цокнула и закатила глаза.

Я поспешил вывести своего приятеля из ступора:

– Ты разрешишь войти?

Тот быстро моргнул, посмотрел на меня, словно что-то хотел спросить, но в последний момент остановил себя и произнёс:

– Да, да, проходите, не стойте на пороге! Располагайтесь. Устали, небось, с дороги? Как насчёт обеда?

Я отрицательно покачал головой и только кивнул в сторону Лины.

– Сейчас, Боэтта вас проводит. Боэтта! – В комнату заглянуло личико хорошенькой служаночки. – Боэтта, проводи госпожу Лину в столовую,

приготовь ей обед.

– Я бы не отказался от кружечки сидра, – добавил я. Служанка коротко взглянула на Алонсо, тот поморщился и махнул рукой – мол, конечно, только иди уже.

Когда Лина скрылась вслед за пухленькой, отчаянно вертящей задом Бозттой, Алонсо повернулся ко мне и спросил:

– Кое-какие дела?

– Угу, – ответил я, не желая вдаваться в подробности.

– Какого рода дела могут быть у тебя с такой соплячкой? – терпеливо допытывался толстяк.

– Алонсо, отстань.

– Отстану, когда ты мне скажешь, что задумал. Кто она такая вообще?

– Да никто.

– Никто – как Таммита Тирхенс? Напомнить тебе ту историю? Знаешь, как трудно было объяснить графине, откуда взялся на балу уличный наёмник-соблазнитель?

Я сжал губы от досады. Конечно! Мы с Алонсо не виделись с того самого дня. Не стоило и надеяться, что он забудет тот случай.

– Прекрати, приятель. С графией я уже сам всё уладил.

– Это как же?! Едва не прибив её сыночка на дуэли? Наслышан!

– Она сама потом нашла меня и извинилась за его неподобающее поведение. И даже передала приглашение на намеченную свадьбу!

– После того, что ты натворил? Так я тебе и поверил!

– Да честно!

Алонсо замолк и зло засопел. Я чувствовал за собой вину, потому что и впрямь подвёл его той историей, поэтому не хотел лишний раз к ней возвращаться.

– Я же с тебя взял тогда обещание, – Алонсо всплеснул руками, – что будешь вести себя по-человечески! Эн, по-человечески – это не трахать невесту графа и сбегать через балкон!

Я вздохнул и виновато опустил взгляд, дожидаясь, когда запал моего друга иссякнет.

– Ну и подмочил ты мне репутацию. В жизни тебя больше с собой не возьму! А эта девчонка, небось, переодетая в бродягу принцесса?

– Нет. Она на самом деле бродяга.

Уловив мой серьёзный тон, Алонсо сменил гнев на любопытство:

– Вот как? И какие же у тебя дела тогда с ней?

Так уж вышло, что Алонсо был единственным человеком за пределами Квисленда, который знал о моём Даре. Конечно, дело Лины его никак не касалось, но я подумал, что если посвящу его в одну из магических тайн, это поможет ему пережить размолвку с графом Тирхенсом. Обиды обидами, а когда тебе доверяют секрет – это что-то да значит. А уж в случае моего друга это едва ли не лучший способ потешить его самолюбие.

– Вообще-то это тайна... – я сделал многозначительную паузу и скорчил недовольную физиономию – мол, не хочу болтать лишнего.

– Да я хоть раз проболтался?! – вскинулся купец. – Давай говори уже, не томи!

Я придвинулся поближе к нему и понизил голос, словно боялся, что нас подслушают.

– У Лины есть Дар.

Алонсо откинулся на спинку кресла и сделал задумчивый вид.

– Скорее всего, она скоро станет моей... коллегой, – продолжил я полушёпотом. – Ученицей Дисса.

– Откуда она взялась вообще?

– Не поверишь. Случайно встретил её в одной деревне.

– И правда, верится с трудом, – Алонсо смотрел на меня с сомнением.

– Да я сам чуть глаза не потерял. В таком захолустье – и такая находка. Но об этом всём тссс, – я для убедительности приложил палец к губам.

– Да ясный день, – махнул рукой купец.

– Ты, как я посмотрю, тоже времени не терял, – я перешёл из защиты в атаку. – Опять новая служанка?

– Боэтта очень исполнительна, – сказал Алонсо и поёжился.

– А что случилось с её предшественницей, как её... Гельмой?

– Она заболела, – отмахнулся Алонсо, а я, зная своего приятеля, усмехнулся про себя и подумал: «не иначе, как вздутием живота!». Этот закоренелый холостяк, несмотря на одинокий образ жизни, не упускал возможности соблазнить молоденькую служаночку, так что по городу бегали, по меньшей мере, трое его малолетних отпрысков. – Лучше вот что мне скажи: ты не слышал последних вестей из столицы?

– Нет, – кисло отозвался я. – Но чувствую, что сейчас услышу.

Я не доверял слухам и сплетням, а потому не особо их любил. Мой приятель напротив, предпочитал быть в курсе всего, и поэтому не брезговал любыми

источниками информации.

– Тебе будет интересно, – Алонсо тоже пододвинулся ближе и заговорил вполголоса. – Два дня назад из столицы прискакал гонец. От ворот он во весь опор рванул к городской Канцелярии. Этого тоже никто не знает, но у меня в Канцелярии несколько знакомых... – он наклонился чуть не к самому моему уху. – Там все помалкивают, но ты же знаешь...

– Короче, Алонсо, – перебил я.

– У Меритари какой-то переворот или что-то вроде того. Башня на ушах стоит. Верховная, эта стерва Литесса, мертва. Её засосало в какую-то магическую дыру... Ну, это ваши чародейские штучки, я не в курсе. В общем, Орден преподносит всё как ошибку в эксперименте, но в это верят не все. Некоторые считают, что её убил Вернон, её же ученик, который теперь стал Верховным. К тому же, у них там начались какие-то внутренние движения, но что именно происходит – никто не знает. Сам понимаешь, Меритари не очень-то любят выносить сор из избы. Какие-то странные перестановки, переназначения... Что-то там затевается.

Он замолк, но весь его вид буквально кричал: «Посмотри, как хорошо я осведомлён!»

– Новости и впрямь интересные, – не стал врать я. – Но не слишком-то новые.

– То есть? – изумился-возмутился торговец.

– Потому что у Меритари вечно что-то затевается, вечно происходит что-то странное. Это их конёк – затевать и плести интриги. Только пещерный житель может поверить в их рассказы о стремлении к всеобщему благу.

– Тогда получается, что у нас полкоролевства составляют пещерные жители, – фыркнул Алонсо.

– Ну, когда-то им верили больше, – согласился я. – Поэтому они и достигли такого могущества. Но речь не об этом. А о том, что в их внутренних перестановках нет ничего нового. Напомнить тебе, как леди Фиорана стала

Архимагессой?

– Да тебя тогда и на свете-то не было!

– Какая разница? Дисс был. Он говорит, что в то время происходили точно такие же странности. Разве что предшественник Литессы вдруг ни с того ни с сего ушёл в отставку, а не превратился в суп. Но даже если её убили – я не удивлюсь. И охоть по этому поводу не стану. Хотят убивать друг друга – да пожалуйста, каждому по потребностям.

– То есть тебя не волнует, что новый Архимаг может пересмотреть отношения между Орденом и Квислендом? – купец ухватился за последнюю соломинку.

– Если он их и пересмотрит, то ненадолго. Литесса пыталась. Её предшественник – Саргас, кажется – тоже пытался. И даже предшественник предшественника пытался. А что в итоге?

– Ну, раз ты так говоришь... – скучающе проговорил Алонсо, стремительно теряя интерес к разговору.

– Приятель, просто поверь мне – это всё ерунда.

– Ладно, – купец хлопнул себя по коленям и встал. – Вообще-то, у меня для тебя кое-что есть. Чуть не забыл, сейчас принесу.

Он удалился в свой кабинет, и я тут же понял, о чём речь. У Алонсо было много полезных связей, которыми я пользовался время от времени. Он привозил мне вещи, по тем или иным причинам отсутствующие на прилавках, стоило только попросить. Разумеется, платил я по двойному тарифу, но считал такой коэффициент приемлемым. Просто потому что знал, сколько накручивает Алонсо на других своих клиентах. Моих заказов у него накопилось уже немало, так что я понятия не имел, что он добыл на этот раз.

Алонсо вынырнул из боковой дверцы, совсем не той, в которую уходил, держа в руках длинный свёрток чёрной ткани, перевязанный алым шнурком.

– Подумал, от такого ты точно не откажешься, – он протянул свёрток мне.

Тот оказался неожиданно лёгким, будто внутри покоилась связка хворостин. Я поспешил его развернуть и тут же замер – от увиденного перехватило дыхание.

В моих руках оказалась пара великолепных мечей-близнецов. Обычные деревянные ножны на них выглядели сущим кошунством.

– У-у-ух... – только и смог выговорить я. – Ты позволишь?

– Конечно, – купец чуть отошёл от меня, поняв, что я хочу сделать. – Маши, только аккуратно, мебель не повреди. Они до ужаса острые.

Я встал в позицию и по привычке крутанул мулине. Клинки были отлично сбалансированы и почти идеально подходили под мою руку. Кроме того, их вес и мутноватый отблеск навели на мысль, которая повергла меня в полный восторг:

– Живая сталь?

– Точно, – довольно прищурился Алонсо. – Я как их увидел, сразу понял – вещь очень дорогая. Не поленился, нашёл гнома-оружейника. Он хоть и был нетрезв, но все же восхищённо цокал языком и дивился работе. Клеймо, говорит, очень редкое, мастер делает только шедевры.

– Похоже на то, – я не мог оторвать взгляд от оружия.

Живая сталь – самый лучший и дорогостоящий материал для изготовления оружия. Лёгкая, прочная, благодаря чему почти не тупится и совершенно не ржавеет. Восприимчива к зачарованию. Проблема в том, что изготавливать её умеют только гномы. Они выплавляют не больше пуда живой стали в год, поэтому цена этого материала, образно выражаясь, прошибает потолок. Любой гном скорее съест свою бороду или умрёт, чем раскроет секрет её изготовления.

До этого я ни разу в жизни не держал в руках полноценный меч из живой стали, только видел небольшую её пластинку в одном из приборов Старого Мага и тонкий стилет размером чуть больше зубочистки. Сейчас же это богатство лежало у меня в руках, и я знал почти наверняка, что всех моих денег не хватит, чтобы расплатиться с Алонсо.

Гарда каждого из мечей компактная, но изящная и функциональная – в самый раз принимать скользящие удары. Обоюдоострые клинки ровные, с изящным долом и чуть закруглённой слабой частью. Рукояти чуть длиннее, чем того требовалось, что поначалу сбило меня с толку. Однако Алонсо с удовольствием пояснил, что механизмы на их навершиях есть не что иное, как замок, сцепляющий два меча в единое целое, образуя подобие двусторонней глефы. Я не преминул проделать этот фокус и с удивлением услышал тонкий щелчок, намертво закрепивший клинки в нужном положении. Открылся этот замок так же просто – стоило лишь немного повернуть кольца на рукоятях.

– Сколько ты хочешь за них? – как можно небрежнее спросил я, но мой товарищ не был бы собой, если бы попался на эту уловку.

– Оценщик сказал, что они стоят не меньше пяти тысяч золотых. Не думаю, что у тебя есть такие деньги, – Алонсо изобразил скучающий вид.

Как и следовало ожидать. Хорошо, что у меня имелся запасной план.

– Дружище, – я широко улыбнулся и хлопнул Алонсо по плечу. – Ты же знаешь, что моё слово крепче любой стали?

– Не-а, – купец замотал головой. – Даже не думай об этом. Заём в пять тысяч? Да я бы даже королю такого не дал!

– Ой, завязывай! Сколько ты за них отдал? Две сотни? Три?

– Не твоё дело!

– Да как это не моё? Я тоже не хочу, чтобы ты остался в накладе, но пять тысяч – это больше, чем стоит вся моя жизнь! Не стыдно тебе с лучшего друга сдирать такие суммы?

– Я – купец, забыл?

Разумеется, пять тысяч он с меня получить и не рассчитывал. Просто пытался выбить побольше.

– Ну хватит, Алонсо! Сколько ты за них отдал?

Хитрый торгаш соорудил злую мину, на которой отчетливо читалась внутренняя борьба. Когда дело касалось прибыли, он проявлял поразительные актерские способности.

– Со мной ими расплатился один должник.

– Сколько он был тебе должен?

– Какая разница? Если ты не можешь их купить, я найду того, кто сможет. Пять тысяч, Эн! Пять тысяч! Да я даже гадить золотом буду!

– Сколько. Тебе. Был. Должен. Этот. Идиот? – отчеканил я, не переставая добродушно улыбаться. – Заплачу вдвое.

– Сто пятьдесят.

– Значит, триста. Столько у меня с собой нет, но сумма уже реальная.

– Вот и пусть они полежат здесь, пока не принесёшь деньги! – Алонсо ткнул пальцем в мечи.

– Приятель, – я улыбнулся ещё добродушнее. – Ты же понимаешь, что без этой парочки я отсюда не уйду. И понимал ты это ещё до того, как показал их. Давай сделаем так: я буду должен тебе четыреста, но эту пару заберу с собой. Если не объявлюсь с деньгами через месяц, можешь объявлять за мою голову награду!

Вот теперь Алонсо и впрямь сомневался. Он смотрел то на меня, то на мечи, то снова на меня и явно что-то подсчитывал в уме.

– За твою объявишь, как же, – проворчал он в итоге. – Эх, угораздило меня тогда нарваться на бандитов... Если бы не они, в жизни бы я такую невыгодную сделку не заключил! Тебе...

Купец не договорил, потому что я стиснул его в объятиях.

– Хорошо, когда есть такие друзья, как ты, Алонсо! – крикнул я как можно искреннее. – Где бы я был без нашей дружбы?

– Будешь паясничать – передумаю! – крикнул купец, едва смог от меня отбиться.

«Как будто от этого что-то изменится», – подумал я и тут же воскликнул:

– Умолкаю! Но мне, как новому владельцу, очень интересно, как такая вещь попала к такому придурку, как этот твой должник.

Я взялся прилаживать ножны с мечами к ремню, пока приятель не передумал.

– Это вообще долгая история, – помолчав, сказал Алонсо. – И странная. Он сказал, что добыл их в бою, но вряд ли это правда. Сдаётся мне, он их просто свистнул откуда-то или снял с трупа.

В это самое время в комнату, довольно поглаживая живот, вошла Лина, и...

Мою голову будто с размаху впечатали в стену. В глазах потемнело, тишина навалила на перепонки. В плечо что-то толкнулось, и я понял, что лежу. Перед глазами плавали мутные кляксы; я взмахнул рукой, но захватил лишь пустоту. Внутри черепа звонким колокольчиком задребезжала мысль: «Что происходит?», а ноги задёргались, заскребли по полу, безуспешно пытаюсь нащупать опору.

И вдруг – оглушительный грохот. Такой, что после густого беззвучия терзает слух до физической боли. Челюсти сжимаются, сквозь зубы вырывается натужный выдох, взгляд проясняется: на ковёр падают брызги слюны. Грохот переходит в шипение, в затихающий свист. Меня трясёт, но движения становятся всё твёрже; я сжимаю кулаки и, опираясь на оказавшийся рядом диван, встаю.

«Магия, – пронеслось в голове. – Сверхмощная магия. Недалеко. Дисс?»

Взгляд скользит по предметам и задерживается на человеческой фигуре. Алонсо стоит, зажмурившись и закрыв уши руками. За его спиной Лина – на четвереньках, трясёт головой. Пол наклоняется... нет, это я падаю. Хватаюсь за спинку дивана. По губам бежит тёплое. Вытираю рукавом – кровь.

– Магия, – повторяю я вслух и тут же окончательно прихожу в себя.

Ноги плохо слушались, так что я с трудом добрался до окна. Небо, всего минуту назад чистое, покрылось грязно-серыми облаками. Формой они напоминали круги, и что находилось в их центре, было не разглядеть из-за особняка, который закрывал весь обзор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/heleg-hart_/neprikayannyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)